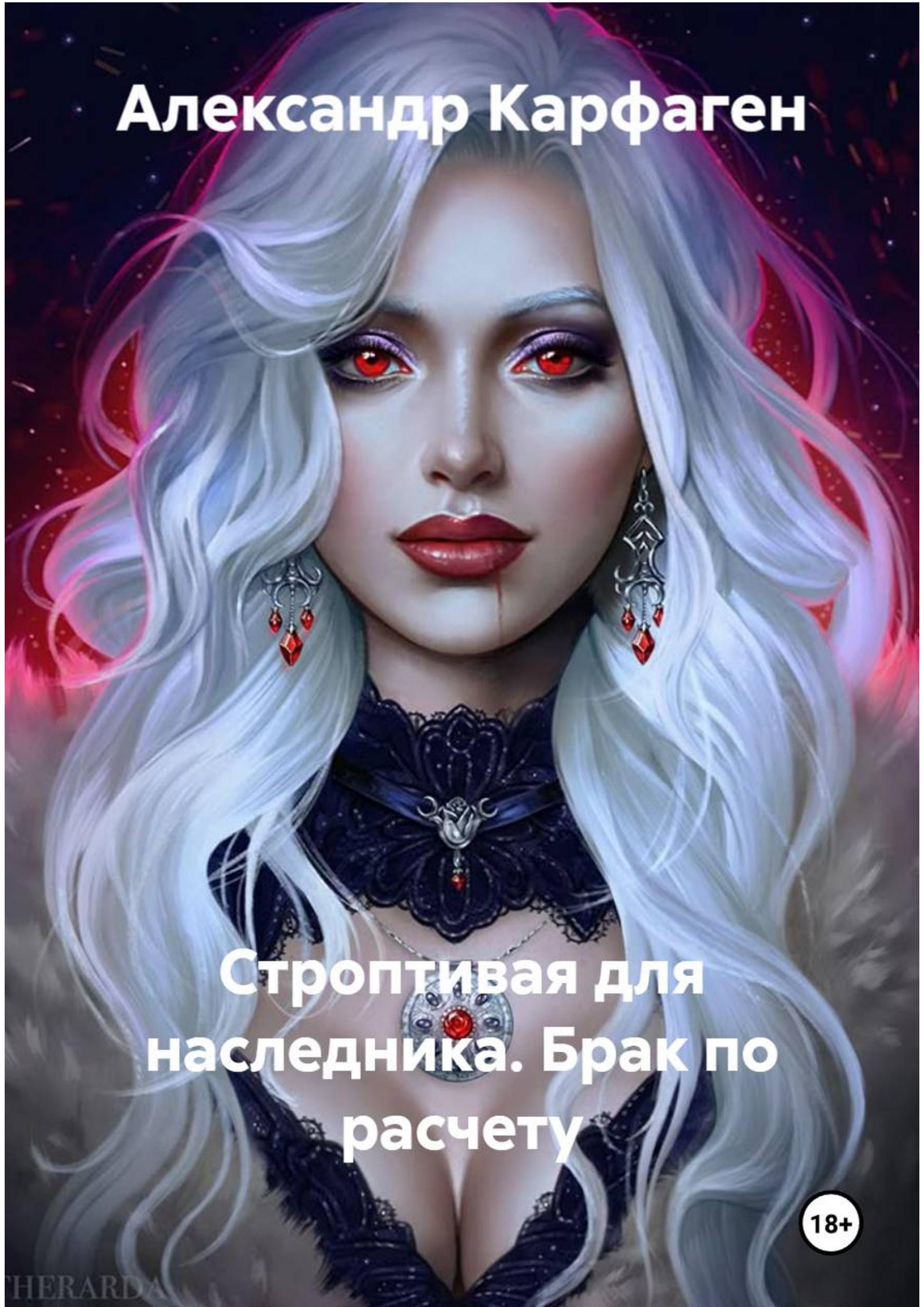

Александр Карфаген

**Строптивая для
наследника. Брак по
расчету**

18+

Александр Карфаген

**Строптивая для
наследника. Брак по расчету**

«Автор»

2026

Карфаген А.

Строптивая для наследника. Брак по расчету / А. Карфаген —
«Автор», 2026

Я выстрелила ему в плечо, когда он смотрел на меня как на пустое место. Чтобы в его ледяных глазах на секунду появилось хоть что-то живое. Тогда я не знала, что через месяц буду стоять напротив него у алтаря в белом платье и слышать, как священник спрашивает, согласна ли я стать его женой. Я скажу «да». Потому что другого выбора нет. Но это не конец. Это начало. Ронан Моррисси и Карла Орсино — наследники враждующих кланов. Он — ледяной стратег, для которого эмоции равны слабости. Она — женщина, которую сломали, но не сломили. Чтобы спасти свои семьи, они заключают брак по расчету. Он хочет приручить дикого зверя. Она хочет растопить айсберг. И каждый из них уверен, что выйдет из этой игры победителем.

© Карфаген А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. КАРЛА	5
ГЛАВА 2. РОНАН	16
ГЛАВА 3. РОНАН	23
ГЛАВА 4. КАРЛА	32
ГЛАВА 5. РОНАН	47
ГЛАВА 6. КАРЛА	56
ГЛАВА 7. РОНАН	64
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Александр Карфаген

Строптивая для наследника. Брак по расчету

ГЛАВА 1. КАРЛА

Дождь в Бездне — это не просто вода с неба, а что-то густое, грязное и назойливое, словно сама местность пытается отмыться и у нее не получается. Он стекал по ржавым водостокам заброшенных складов, барабанил по жестяным крышам и превращал землю под ногами в холодную, скользкую кашу.

Я стояла под навесом полуразрушенного склада, прислонившись спиной к холодной кирпичной стене, и курила. Дождевик ярко-желтого цвета — почти кислотного оттенка — был единственным пятном цвета в этом монохромном, серо-коричневом мире. Под ним — обычные черные джинсы, темная кофта с высоким воротом и тяжелые армейские ботинки, которые уже успели пропитаться грязью и холодом. Я обожала этот контраст. Пусть все видят меня за версту. Пусть знают, кто пришел. Карла Орсино не прячется.

— Статус, — тихо произнесла я, не меняя позы. Голос в наушнике был ровным, безэмоциональным, как голос навигатора.

— Ничего. Три камеры на подступах чистые. Секунду. — Послышался легкий щелчок клавиатуры. — Включилась четвертая, на восточном въезде. Машина. Серая фургон, один водитель. Но это не он. Слишком рано.

Вайолет. Моя тихая, невидимая тень. Она сидела сейчас где-то в теплой машине в двух кварталах отсюда, уткнувшись в три ноутбука одновременно, видя этот район лучше, чем я, смотрящая на него собственными глазами. С ней рядом должен был быть Лука, мой личный громомовод и живой щит.

Я сделала глубокую затяжку, наблюдая, как дым смешивается с туманной дымкой дождя. От этого места — лабиринта старых промышленных зданий в Квинсе, который все звали Бездной — веяло безнадегой и забвением. Идеальное место для грязных дел. Нейтральная территория. Ни Моррисси, ни Орсино, ни даже подлые Чены не имели здесь официального контроля. Только крысы, бродяги и сделки, о которых лучше не знать.

Сегодняшняя сделка была именно из таких. Курьер, бывший солдат, ныне наемный мул, должен был передать флешку. На ней маршруты и графики поставок оружия, которые семья Чен пыталась провернуть в обход всех. Информация стоила целое состояние. И, что важнее, давала рычаг. Папочка хотел эту флешку, чтобы прижать старика Чена. Я хотела ее, потому что любая возможность наступить на хвост этим змеям доставляла мне почти физическое удовольствие.

Почти. Ничто уже не доставляло настоящего удовольствия. Только краткие вспышки, похожие на адреналиновые всполохи. Вроде той, что я чувствовала сейчас, в засаде. Ожидание. Предвкушение движения, жеста, выстрела.

— Он не должен опаздывать, — проворчала я себе под нос, снова глядя на часы. Капли дождя звонко били о капюшон моего дождевика.

— Нетерпение — признак слабости ума, — тут же отозвался в наушнике сухой, ровный голос Вайолет.

Я фыркнула.

— Цитируешь мне папу снова? Он, кстати, тоже вечно опаздывает на ужин.

— Я цитирую научно доказанный факт. И переключаюсь на пятую камеру. Западный перекресток. Движения нет. Лука просит передать, что он замерз и что следующий раз он берет точку наблюдения в помещении. Желательно с камином.

— Передай Луке, что если он будет ныть, я отправлю его греться на кухню к нашим поварам. Пусть тесто для канноли месит.

Из наушника донесся короткий, едва уловимый смех Вай, Лука что-то буркнул на заднем плане. Я представила его каменное, недовольное лицо и снова почувствовала тепло. Они были моими. Моей маленькой, странной семьей внутри большой, шумной и душной семьи Орсино.

Остальные «солдаты» — пятеро ребят — замерли в тени, каждый на своей позиции. Я их почти не видела, только смутные очертания. Они боялись меня. Не то чтобы я их била или унижала. Нет. Они боялись моей репутации. «Надломленная Карла». Та, что вернулась оттуда не такой, как ушла. Та, что носит яркие цвета поверх шрамов, о которых все шепчутся. Та, что смеется в самые неподходящие моменты и смотрит на тебя так, будто видит, как твое сердце бьется под грудной клеткой. Их страх был мне удобен, он держал дистанцию.

— Контакт, — голос Вайолет стал еще тише, еще сосредоточеннее. — Северный переулок. Черный седан. Номера грязные, но... да, это он. Один на водительском, один сзади. Останавливаются в ста метрах от точки сброса. Выходят. Водитель остается.

Мое тело напряглось само собой, как у животного, учуявшего добычу. Я отбросила окурок, и он с шипением угас в луже.

— Сколько с ним?

— Один. Крупный, военная выправка. Правая рука в кармане куртки, держит что-то. Идет к контейнеру номер семь. Именно туда, как и договаривались.

Я кивнула, хотя она меня не видела.

— Отлично. Все на местах. Ждем, пока возьмет накладную и положит на место флешку. Как только обмен совершен — берем его. Аккуратно. Мне нужен и он, и флешка. Папочке будет приятно побеседовать с живым свидетелем.

Я медленно вытащила из-под дождевика привычный «Глок» и сняла предохранитель. Звук был тихим, но в тишине, наполненной только шумом дождя, он казался оглушительным. Я сделала шаг из-под навеса, и холодный дождь сразу же принялся барабанить по моему капюшону. Ярко-желтый пластик зашуршал.

Впереди, в конце узкого прохода между двумя складами, стояли синие морские контейнеры, сложенные в хаотичном порядке. Контейнер номер семь был в середине, с открытой дверью, черной, как пасть. Я видела, как к нему приближается фигура в темной куртке. Он быстро огляделся и скрылся внутри.

— Он внутри, — прошептала Вай.

— Вижу.

Сердце застучало чуть быстрее от предвкушения. Еще несколько минут, и эта свинцовая флешка будет у меня в руках. Еще одна маленькая победа. Еще один гвоздь в гроб семейства Чен. Я мысленно уже представляла, как отдам ее отцу, как он кивнет, может быть, даже улыбнется, а Риккардо будет ворчать, что я слишком рисковала. Обычная семейная идиллия.

Из контейнера вышел курьер. Он засунул в карман накладную. Теперь он должен был оставить флешку. Он снова огляделся, его рука нервно дернулась к внутреннему карману...

И в этот момент мир взорвался.

С восточного въезда, откуда не должно было быть никого, на бешеной скорости вылетела черная внедорожница без номеров. Она проехала по луже, подняв веер грязной воды, и резко затормозила, перегородив узкий проход. Одновременно с другой стороны, со стороны западного перекрестка, появились еще две машины.

Это была не просто засада. Это была ловушка. Но не для него.

— Карла! — в наушнике крикнула Вайолет, и в ее голосе впервые за все эти годы прозвучала паника. — Это не Чены! Сигнатуры машин... это Моррисси!

Ледяная волна прокатилась у меня по спине, но не страха, а чистой, неразбавленной ярости. Моррисси. Эти высокомерные, ледяные ублюдки. Они выследили сделку и решили урвать добычу из-под самого моего носа.

Из внедорожников стали вываливаться люди в темной, дорогой, но практичной одежде. Все движения быстрые, слаженные, без лишнего шума. Ирландская дисциплина. В центре группы, выпрямившись во весь свой немалый рост, стоял он.

Ронан Моррисси.

Даже с этого расстояния и сквозь пелену дождя его было невозможно не узнать. Темные волосы, лицо с резкими, словно высеченными из гранита чертами. Он просто стоял, осматривая ситуацию, как шахматную доску. На нем был идеально сидящий темно-серый костюм, поверх которого было практичное черное пальто. Он выглядел так, будто собирался не на перестрелку в грязном квартале, а на деловую встречу в своем «Стекла». Его холодная, абсолютная уверенность бесила меня до дрожи.

Курьер, поняв, что попал в мясорубку, рванул назад, к контейнеру. Один из людей Моррисси поднял руку с пистолетом.

— Нет! — рывкнула я, выходя из тени. Мой голос, резкий и звонкий, прорезал шум дождя. — Он мой!

Все головы повернулись ко мне. Мой желтый дождевик, должно быть, светился в этом сером мире, как маяк. Я видела, как взгляд Ронана нашел меня. Его карие глаза встретились с моими. В них не было ни удивления, ни злости. Только холодная констатация факта: «А, Орсино. Карла. Препятствие».

— Забирайте груз, — ровным, низким голосом, который, тем не менее, донесся сквозь дождь, скомандовал он своим людям. Он даже не удостоил меня прямым ответом.

Яростная усмешка растянула мои губы.

— Эй, айсберг! — крикнула я, делая несколько шагов вперед. Мои люди вышли из укрытий, оружие наготове. Напряжение натянулось, как струна. — Ты что, не видишь, очередь здесь? Я первая!

Он наконец-то посмотрел на меня, по-настоящему. Его взгляд скользнул по моему лицу, по желтому дождевику, оценивающе, без тени эмоций.

— Уступи дорогу, Орсино. У тебя нет здесь сил, чтобы тягаться.

Он был прав. У него было больше людей, лучше позиция. Но отступить? После того как я прождала здесь час в этом проклятом дожде? После того как он смотрит на меня своим взглядом пустого места?

Курьер, воспользовавшись паузой, метнулся в сторону, пытаясь улизнуть между контейнерами. Все произошло за секунду. Один из солдат Моррисси выстрелил. Курьер вскрикнул и упал, хватаясь за ногу.

И я поняла, что проиграла. Они заберут и его, и флешку. И будут потом смотреть на нас с их блестящих небоскребов с холодным презрением.

Горячая, знакомая ярость поднялась во мне волной. Она смыла осторожность, расчет, даже долг. Она оставила только одно чистое, ясное желание: нанести ответный удар. Оставить след. Напомнить этому ледяному истукану, что Карла Орсино не пустое место.

Ледяная волна ярости, что накатила мгновением ранее, сменилась внезапной, почти злобшей тишиной внутри. Шум дождя отступил на второй план, превратившись в белый шум. Я чувствовала каждый вздох, каждое биение своего, на удивление спокойного, сердца. Это был тот самый момент. Момент перелома. Момент, когда ты понимаешь, что проиграл сражение, но можешь выиграть... Клочок уважения?

Не может же он уйти совсем уж безнаказанно.

Мысль пронеслась, ясная и холодная, как лезвие. Я смотрела, как двое его людей уже тащили раненого курьера к внедорожнику. Еще один обыскивал контейнер, и я увидела, как в его руке мелькнул маленький металлический прямоугольник. Моя флешка.

Ронан стоял неподвижно, наблюдая за операцией. Дождь уже засеребрил темные волосы и плечи его пальто, но он, казалось, этого не замечал. Он был воплощением контроля. Каменная стена. Меня от этого тошнило.

— Карла, — шипящим, предостерегающим голосом проговорил в наушнике Лука. — Не надо. Сейчас не время.

Он знал. Он всегда знал, когда эта черная, колючая штука поднималась во мне, требуя выхода. Я проигнорировала его. Взгляд мой был прикован к Ронану. Айсберг. Идеальное прозвище. Холодный, огромный, большая часть скрыта под поверхностью, и о него разбиваются все.

Я медленно опустила пистолет. Пальцы разжались, но не до конца. Движение было демонстративным, театральным.

— Ладно, ладно, — сказала я громко, разводя свободной рукой в фальшиво-примирительном жесте. Голос звучал нарочито бодро, почти насмешливо. — Вижу, сегодня твой день, Моррисси. Возьми свою игрушку.

Я сделала шаг назад, потом еще один. Мои люди, уловив сигнал, тоже начали осторожно отступать в тени, к узкому проходу между складами, что вел к нашей отходной улице. Но я отходила последней, лицом к ним, к нему.

Я видела, как его люди немного расслабились. Плечи опустились, стволы пистолетов слегка отклонились вниз. Они купились. Купились на этот спектакль капитуляции. Почему бы и нет? Орсино горячие головы, но не идиоты. Лезут на рожон только когда пьяны или в ярости. А я сейчас выглядела... почти разумной.

Ронан не расслаблялся. Его взгляд, тяжелый и оценивающий, все еще висел на мне. Он не верил или верил, но считал, что я что-то задумала. И он был прав.

Я почти дошла до поворота, до той самой щели между кирпичными стенами, за которой ждала наша машина. Серый, невзрачный фургон. Еще два шага. Дождь хлестал теперь мне в

лицо, смешиваясь с адреналином на губах, солоноватым привкусом поражения и предвкушения.

Слишком безрассудно. Мысль Луки эхом отозвалась в голове. Убить наследника Моррисси здесь, на нейтралке, в такой обстановке — это не война. Это самоубийство для семьи. Война тут же стала бы горячей, кровавой и беспощадной. Папочка никогда бы не простил, да и не хотела я его смерти. Не сейчас и не так.

Но я не могла уйти просто так. Он должен был запомнить. Запомнить, что Карла Орсино — это не просто «препятствие», которое можно отодвинуть взглядом. Что у нее есть зубы и она кусается, даже в отступлении.

Я сделала последний шаг к повороту, уже почти скрываясь за выступом стены. И тут я медленно развернулась, как будто просто бросаю последний взгляд на место своего провала.

Наше внимание встретилось. Его карие глаза, такие же темные и бездонные, как эта проклятая Бездна, нашли мои сквозь завесу дождя и тридцати метров грязного асфальта. В них все еще была только ледяная констатация.

Моя рука поднялась, глок был продолжением моей руки, холодным и уверенным. Я не целилась в голову. Не в сердце. Я выбрала плечо. Правое плечо, на котором лежала складка его безупречного пальто. Достаточно болезненно, достаточно унижительно. И достаточно для того, чтобы оставить след.

Пусть носит напоминание, — промелькнуло у меня в голове.

Я выстрелила.

Звук выстрела, глухой и влажный в сыром воздухе, казался не таким громким, как я ожидала. Но эффект был мгновенным.

Ронан дернулся, но не упал, он слишком хорошо владел своим телом. Но его корпус качнулся назад, левая рука инстинктивно дернулась к правому плечу. И на его лице... на его всегда бесстрашном, высеченном из гранита лице что-то дрогнуло. Ледяная маска дала трещину.

Это было не просто выражение боли. Это была вспышка чистой, неконтролируемой злости. Глаза, прежде такие пустые и расчетливые, вспыхнули темным, почти звериным огнем. Брови сдвинулись, губы плотно сжались, обнажив на секунду зубы. Это была ненависть. Не холодное презрение, а горячая, личная, животная ненависть. Он смотрел на меня не как на противника по бизнесу, а как на человека, который только что совершил нечто немыслимо дерзкое и личное. Кто посмел коснуться его.

Этот взгляд обжег меня сильнее, чем любой выстрел. На мгновение мне показалось, что дождь вокруг нас остановился, и весь мир сузился до этой щели между складами, до трех десятков метров, заполненных только этим взглядом. Я увидела в нем не машину, а человека. Опасного, раненого и по-настоящему разъяренного человека.

И это было... прекрасно.

Усмешка, на этот раз настоящая, дикая и безрадостная, растянула мои губы.

— Передавай привет папочке, айсберг! — крикнула я ему сквозь шум внезапно обрушившегося с новой силой ливня и начинающейся суматохи среди его людей.

Кто-то из его солдат вскрикнул, открыли ответный огонь. Пули со звоном ударили в кирпич над моей головой, отколов куски ржавой штукатурки. Но я уже была в движении. Резко развернувшись, я рванула в проход, сгибаясь в полуприседе.

— Поехали, поехали, ПОЕХАЛИ! — закричала я в микрофон, влетая в распахнутую боковую дверь фургона.

Лука, сидевший за рулем, даже не ждал команды. Дверь захлопнулась, едва моя нога оторвалась от земли, и фургон рванул с места, пробуксовывая в грязи. Сзади, в салоне, сидела Вайолет, бледная как полотно, но ее пальцы уже летали по клавиатуре, отключая камеры на нашем пути. Двое моих ребят, запыхавшиеся, молча перезаряжали обрезы.

Машина неслась по узким, извилистым улочкам Бездны, подпрыгивая на выбоинах. Я откинулась на сиденье, сбросила капюшон. Рука дрожала от дикого, бешеного выброса адреналина.

— Ты спятила! — рявкнул Лука, резко выворачивая руль и уходя от возможного преследования в лабиринде одинаковых улиц. — В него стрелять? Ты хоть понимаешь...

— Понимаю, — перебила я его, и мой голос прозвучал хрипло, но твердо. — Понимаю прекрасно. И он теперь тоже понимает.

Я закрыла глаза, но под веками все еще стояло его лицо, то, каким оно стало на секунду: искаженное злобой, живое, человеческое. Я добила своего. Я растопила кусочек льда. Пусть и пламенем ненависти.

— Вай, следи за эфиром. Что у них? — попросила я, не открывая глаз.

Вайолет, не отрываясь от экрана, монотонно отчиталась:

— Хаос. Вызвали их доктора. Преследовать не пытаются, укрепляют периметр. Лиам Моррисси уже в курсе. — Она сделала паузу. — Ронан жив. Но... он в ярости.

Последнюю фразу она произнесла с легким ударением, как будто это было самым невероятным фактом во всей этой истории. Не то, что мы украли флешку (мы не украли), не то, что была перестрелка (бывает). А то, что Ронан Моррисси проявил эмоцию.

— Отлично, — прошептала я, и снова та же безрадостная усмешка тронула мои губы. Потом открыла глаза и посмотрела на спину Луки. — Расслабься. Войны не будет. Он не дурак. Это было... личное сообщение.

— Сообщение, за которое можно головой ответить! — проворчал Лука, но напряжение в его плечах уже немного спало.

Я вытащила пистолет, извлекла магазин, передернула затвор, ловя рукой выброшенный патрон. Знакомые, успокаивающие механические движения. Запах пороха, масла и влажной

ткани смешивался в ноздрях. Снаружи по-прежнему лил дождь, барабания по крыше фургона, смывая с колес грязь Бездны.

Мы выезжали из Квинса, оставляя позади лабиринт унылых складов и серого неба. Впереди был Бруклин, наш Старый город, наш особняк с его показной, жаркой роскошью, где пахнет чесноком, дорогим табаком и старыми обидами. Где меня ждал отец, который будет в ярости от провала, и брат, который будет читать нотации о моей безрассудности.

Но я не могла выбросить из головы этот взгляд. Этот момент, когда лед раскололся. Это была маленькая, личная победа в проигранной битве. Я заставила его почувствовать и знала, что он этого мне никогда не простит, но мне было все равно, вернее, так даже лучше.

Пусть ненавидит. Ненависть — это уже что-то. Это уже связь, гораздо более интересная, чем холодное безразличие.

— Всем молчать о Ронане, — тихо, но четко сказала я, глядя в окно на мелькающие огни. — Особенно папе. Пусть думают, что просто разминулись с Моррисси. Стреляли в воздух. Понятно?

В салоне кивнули. Лука тяжело вздохнул, но не стал спорить. Вайолет лишь подняла бровь над экраном ноутбука, но промолчала.

Фургон, наконец, свернул с шумных, мокрых улиц Бруклина за знакомые чугунные ворота. Они скрипнули, открываясь, как всегда, медленно и неохотно, словно не желая впускать обратно тот хаос, который уехал из них несколько часов назад. Особняк Орсино предстал перед нами во всей своей показной, жаркой роскоши: массивное здание из темного кирпича и светлого камня, с колоннами у входа, слишком ярко горящими золотыми светильниками и вечно ухоженными, даже сейчас под дождем, розами у крыльца. Он не был похож на холодные стеклянные коробки Моррисси. Он был тяжелым, земным и громким. Как и мы сами.

Машина остановилась на гравийной площадке. Дождь уже стихал, превращаясь в морозящую изморось, но небо над особняком все еще было свинцовым, отражаясь в лужах, как в черных зеркалах.

Я не сразу вышла, сидела секунду, глядя на освещенные окна гостиной на первом этаже. Там, за тяжелыми бархатными шторами, уже ждали, я это чувствовала кожей. Тишина в машине была красноречивее любых слов, Лука выключил двигатель и обернулся.

— Пойти с тобой? — спросил он без особой надежды. Его карие глаза, обычно такие спокойные, сейчас выражали знакомую смесь усталости и беспокойства.

Я покачала головой, уже отстегивая ремень.

— Не стоит. Это будет семейная сцена, ты и так уже вдоволь наслушался сегодня. Иди грейся на кухне, заказывай себе что-нибудь горячее и Вай тоже. — Я кивнула в сторону девушки, которая уже сворачивала свои ноутбуки в бесшумный, компактный рюкзак.

— Я предпочту свою комнату, — без интонации ответила Вайолет, поправляя очки. — У меня есть данные для анализа и я хочу спать.

— Как знаешь. — Я толкнула дверь и вышла на холодный, влажный воздух.

Я сняла ярко-желтый дождевик прямо на крыльце, скинув его на руки молчаливому слуге, который появился как из ниоткуда. Под ним одежда была мятой, в грязи у колен и на ботинках. Я не стала ничего поправлять.

Широкие дубовые двери распахнулись, выпуская меня в тепло и запах дома: воск для мебели, старое дерево, ладан (мама любила его, и отец продолжал жечь после ее смерти), и едва уловимый, вечный аромат кофе и чего-то жарящегося с чесноком с кухни. Роскошь здесь была не в холодном минимализме, а в барокко из темного дерева, тяжелых картин в золоченых рамах, витражей в светильниках, ярких византийских ковров на полу. Здесь все кричало о богатстве, о корнях, о семье. И сейчас это пространство кричало о напряжении.

Я прошла по мраморному холлу, мои мокрые ботинки оставляли темные следы на блестящем полу. Из гостиной доносились приглушенные голоса. Сдержанный, густой рокот отца и более высокий, отрывистый тон Риккардо. Они точно знали.

Падре О'Мэлли. Конечно. Старый хитрый лис с дурным глазом и слишком длинным языком. Он видел все, слышал все на своей «нейтральной» территории. И, видимо, получив звонок от Лиамы Моррисси с ледяными, вежливыми претензиями, счел своим долгом предупредить Винченцо Орсино. Чтобы «не допустить эскалации». Чтоб его.

Я не переживала, скорее испытывала раздраженную усталость. Предвкушение. Сейчас начнется. Снова. Танец, в котором я уже знала все па. Мой выход, их упреки, мои саркастичные ответы, их вспышка гнева, мои холодные контраргументы, и в конце гнетущее, недовольное затишье. Очередной день в жизни семьи Орсино.

Я толкнула высокую двустворчатую дверь в гостиную.

Отец сидел в своем массивном кожаном кресле у камина, где потрескивали поленья. Он не смотрел на огонь, он смотрел прямо на дверь, ожидая меня. Винченцо Орсино, даже в шестьдесят с лишним, был впечатляющим мужчиной: крупный, с седыми висками в густых черных волосах, с лицом, на котором годы и гнев вырезали глубокие борозды. Сейчас это лицо было темным, как грозовая туча. Он был одет в темный костюм, но галстук ослаблен, что говорило о том, что он уже какое-то время сидит здесь, накручивая себя.

Риккардо стоял у мокрого окна, спиной к комнате, но по напряженным плечам в идеально сидящем пиджаке было видно, что он лишь делал вид, что созерцает сад. Он обернулся, когда я вошла. Его лицо, похожее на отцовское, но более утонченное, выражало откровенное раздражение и... да, разочарование. Всегда разочарование.

— Ну вот и наша героиня, — произнес он первым, и его голос прозвучал резко, как щелчок хлыста. — Целая и невредимая. К счастью для всех нас.

Я проигнорировала его, направившись к мини-бару, встроенному в темную дубовую панель. Мне нужно было что-то крепкое.

— Папа, — кивнула я в сторону отца, наливая себе два пальца виски в тяжелый хрустальный бокал. — Рикки. Не скучали?

— Карла, — голос отца прозвучал низко, сдержанно, но в этой сдержанности была такая сила, что даже я на секунду замерла с бокалом в руке. — Подойди и сядь.

Это не было просьбой. Я медленно повернулась, сделала глоток. Жидкость обожгла горло, разливаясь внутри смутным теплом. Я не села, я облокотилась о край бара, демонстративно приняв непринужденную позу. Щит сарказма и показного безразличия был уже на месте.

— Я слушаю.

— Тебе есть что рассказать нам? — спросил отец, его пальцы сжимали подлокотники кресла так, что костяшки побелели.

Я пожала плечами.

— Провал. Моррисси были там первыми. У них было больше людей, лучшая позиция. Курьера забрали, флешку тоже. Я решила не устраивать бойню, которая ни к чему бы не привела, кроме лишних трупов. Мы отступили. — Все это я выдала ровным, почти деловым тоном.

Риккардо фыркнул.

— О, как разумно! Как стратегически грамотно! Жаль, что у отца Моррисси другая версия событий!

Я подняла на него взгляд, прищурившись.

— А какая у него версия, братец?

— Я получил звонок от Падре О'Мэлли! — громыхнул наконец Винченцо, ударив ладонью по подлокотнику. Он поднялся с кресла, и его фигура вдруг заполнила собой все пространство у камина. — Полчаса назад! Мой «дорогой старый друг» Лиам! Он, оказывается, очень «обеспокоен инцидентом»! Говорит, его сын, его наследник, чуть не погиб сегодня из-за «безрассудной выходки» моей дочери!

Он говорил, подражая ледяной, вежливой интонации Лиамы, и это звучало карикатурно и страшно одновременно. Его собственный голос набирал силу, темперамент, ту самую жарку энергию Орсино, которую мы все в себе носили.

— Он стрелял в твоего отца? Нет! Он стрелял в твоего брата? Нет! Ты выстрелила в Ронана Моррисси! В ПЛЕЧО! Как последний бандит с перекрестка! Что, Карла? Что у тебя в голове? Солома? Или ты настолько ненавидишь эту семью, что хочешь развязать войну, в которой мы все сгорим?

Его слова били, как молотом, но я уже была готова. Я сделала еще один глоток виски, ощущая, как алкоголь смешивается с адреналином, все еще циркулирующим в крови.

— Войны не будет, — сказала я спокойно. — Ронан жив. Пуля прошла навылет, это не было сообщение.

— Какое, к черту, сообщение?! — взревел Риккардо, отходя от окна. — «Привет, я психопатка»? Это он и так знает!

— Он знал, что мы там будем, Рикки! — огрызнулась я, наконец повышая голос. — Он выследил нашу сделку и пришел отобрать ее у нас под нос! Он смотрел на меня, как на... как на грязь на своем идеальном ботинке! Он должен был понять, что мы не просто грязь! Что мы можем дать сдачи! Даже в отступлении!

— Так это было про твое ущемленное эго? — Риккардо язвительно усмехнулся. — Он плохо на тебя посмотрел, и ты решила устроить стрельбу? Боже, Карла, когда ты повзрослеешь? Мы ведем бизнес, а не детские разборки!

Бизнес. Это слово всегда было его козырем. Прагматизм. Холодный расчет. Все, чего, по его мнению, мне так не хватало.

— Это не детская разборка! — голос мой сорвался, став резким. — Это демонстрация силы! Если мы дадим им спуск каждый раз, когда они нас переигрывают, они совсем обнаг-

леют! Ты хочешь, чтобы Моррисси думали, что Орсино можно безнаказанно вытирать ноги? Чены уже всю стараются! Им только дай повод!

— Повод? — отец перехватил инициативу, его гнев сменился на тяжелое, усталое разочарование. Это было хуже. — Карла, дочь моя. Ты сама дала им прекрасный повод! Лиам теперь имеет моральное право требовать что угодно! Голову виновного! Территорию! Деньги! И он будет требовать, поверь мне. Ты думаешь о демонстрации силы, но все, что ты продемонстрировала — это непредсказуемость и слабость! Слабость к своим эмоциям!

Слова «слабость» и «эмоции» повисли в воздухе, как ядовитый газ. Они всегда нажимали на это. На то, что случилось. На шрамы, которые были не только на спине. На мое «безумие». Я почувствовала, как привычная, леденящая пустота стала заполняться жгучим, черным гневом. Но я не позволила ему вырваться. Я сжала бокал так, что хрусталь мог треснуть.

— Я сделала то, что считала нужным в той ситуации, — проговорила я сквозь стиснутые зубы. — Чтобы сохранить лицо семьи.

— Ты поставила под угрозу всю семью! — папин голос снова стал громовым. — Из-за твоей выходки нам теперь придется отдуваться! Изыскивать дипломатические пути! Унижаться перед этими ирландскими выскочками!

Он тяжело дышал, его лицо покраснело. Риккардо подошел к нему, положил руку на плечо, успокаивающе.

— Папа, успокойся. Доктор говорил о давлении.

Я стояла по другую сторону камина, одинокая в этой роскошной, просторной комнате, с бокалом в руке и ледяной яростью в сердце. Они были вместе. Прагматичный наследник и мудрый патриарх. А я — проблемная дочь, непредсказуемый элемент, «надломленная» Карла, которая только и умеет, что создавать проблемы.

Усталость накатилась с новой силой, смешавшись с горечью. Этот разговор был бесполезен. Они никогда не поймут, они не чувствовали этого унижения. Для них это была шахматная партия, где я необдуманно сбила фигуру с доски. Для меня это была... необходимость. Жажда оставить хоть какой-то след в том холодном, контролируемом мире, в котором он существовал.

— Хорошо, — сказала я тихо, ставя недопитый бокал на мраморную столешницу бара. Звук получился громким и окончательным. — Я все поняла. Я безрассудная, эмоциональная истеричка, которая вредит семье. Старая песня, папа. Можно я пойду? Я промокла, я устала, и у меня на спине ноют шрамы от того дерьма, что со мной случилось, пока бизнес шел своим чередом.

Я нарочно бросила последнюю фразу, жесткую, как пощечина. Я видела, как отец вздрогнул, а в глазах Риккардо мелькнуло что-то вроде вины, но оно тут же погасло, сменившись все тем же раздражением.

— Карла... — начал отец, но его голос потерял прежнюю ярость. В нем появилась знакомая нота — мучительная смесь любви, страха и полного непонимания того, что творится у меня в душе.

— Я пойду, — повторила я, уже поворачиваясь к двери. — Не беспокойтесь. Войны не будет. Лиам Моррисси слишком расчетлив для этого. А Ронан... — я на секунду задержалась

в дверном проеме, не оборачиваясь. — Ронан теперь знает, что у меня твердая рука. Может, в следующий раз он десять раз подумает, прежде чем смотреть на меня сверху вниз.

Я вышла в холл, не дожидаясь ответа. За спиной повисло тяжелое молчание, более громкое, чем все их крики. Я поднялась по широкой лестнице, держась за резную дубовую перилу. Каждый шаг отдавался глухим стуком в висках.

Они не поняли и никогда не поймут. Для них мир делился на выгоду и риск, на семью и врагов. А для меня... для меня в этом мире еще оставались щели, где жили личные демоны, жажда ответа и потребность иногда стрелять не ради бизнеса, а ради того, чтобы напомнить всем — и им, и ему, и самой себе, что Карла Орсино еще дышит. И пока дышит, способна на многое.

Я дошла до своей комнаты, толкнула дверь и заперла ее на ключ. Только тогда я позволила плечам опуститься, позволила дрожи, которую сдерживала все это время, пробежать по спине. Я подошла к большому зеркалу в золоченой раме. В отражении смотрела на меня женщина с мокрыми, темными волосами, с карими глазами, в которых плясали отблески ярости и усталости, в грязной, мятой одежде.

Я медленно стянула кофту, потом футболку под ней. Повернулась к зеркалу спиной.

В тусклом свете ламп шрамы на моей спине казались еще темнее, еще рельефнее. Сеть грубых, белых и багровых линий. История, написанная болью. История, о которой они предпочитали не говорить, но которая всегда висела между нами.

Я провела пальцами по самому длинному шраму. Холодная кожа, неровная ткань.

Слабость к своим эмоциям.

Возможно, они были правы. Но сегодня, когда я выстрелила, и увидела в его глазах не холод, а огонь... в этот миг я не чувствовала себя слабой.

Я надела халат, погасила свет и подошла к окну. Дождь окончательно прекратился. Где-то там, за рекой, на позолоченном острове Манхэттена, в своем стерильном пентхаусе, сейчас мучился от боли и кипящей ненависти Ронан Моррисси.

И мысль об этом была единственным теплым, почти удовлетворяющим чувством в этой холодной, одинокой комнате.

ГЛАВА 2. РОНАН

Боль горела. Не огненным, яростным шквалом, а тупым, настойчивым, разъедающим пульсирующим жаром, будто под кожу вживили раскаленный уголь. Каждый удар сердца отдавался в разорванных тканях плеча болезненной волной, расползающейся по всей грудной клетке. Я сидел в салоне майбаха, абсолютно прямо, глядя сквозь тонированное стекло на мелькающие огни моста, уводящие нас из грязного, серого мира Бездны в опрятные, холодные кварталы Манхэттена. Доктор, один из наших, уже обработал рану, наложил временную повязку, вколол антибиотик и сильное обезболивающее, которое только приглушило остроту, но не убрало сам факт вторжения. Факт нарушения. Факт пули.

Мысль приходила снова и снова. Карла Орсино. В желтом дождевике. С дикой, вызывающей усмешкой на лице. И с пистолетом в руке, который она подняла так, будто это было не оружие, а кисть, и она собиралась подписать свое имя на моем теле. И подписала.

Я смотрел на отражение в стекле. Мое лицо было бледным, черты заострились, но выражение... выражение я контролировал. Никакой гримасы боли. Никакой дрожи в уголках губ. Только пустота. Пустота, которую я вдавливал в себя поверх кипящей, черной ярости, что хлопотала где-то глубоко внутри, в том месте, куда я обычно не смотрел. Ярости не на ситуацию, не на провал. А на нее. Лично. На эту... сумасшедшую итальянскую шлюху, которая осмелилась...

В голове стоял ее голос, пронзительный, звонкий, как разбитое стекло: «Передавай привет папочке, айсберг!»

Айсберг. Так они меня звали. Я знал. И в этом прозвище была своя правда. Девяносто процентов — под поверхностью. Холод, расчет, недвижимая масса, о которую разбиваются корабли. Но сегодня один из этих кораблей, ярко-желтый, истеричный и абсолютно безумный, выстрелил по мне из сигнальной пушки и попал.

Надо было предвидеть. Это было первое, что пришло в голову, когда адреналин схлынул, а доктор ковырялся в ране. Надо было предвидеть, что она не отступит просто так. Я видел это в ее глазах в тот момент, когда она делала вид, что уходит. Видел не разочарование, не злобу поражения. Видел озорной огонек. Вызов. Я счел его бравадой. Ошибка, которая теперь жгла мое плечо.

Она не хотела меня убивать. Это был выстрел не на смерть. Она хотела унижить, оставить свой след и, черт побери, ей это удалось.

Машина бесшумно скользила по мокрым улицам Позолоченных кварталов. Прямые линии небоскребов из синего стекла и хрома, отражение огней в лужах, похожее на рассыпанные алмазы, стерильная чистота тротуаров. Порядок. Контроль. Все, что противоположно хаосу той вонючей щели в Квинсе и хаосу в ее глазах.

Мы подъехали к особняку Моррисси. Не пентхаус в «Блеске» — мое стерильное, минималистичное убежище на вершине мира. А родовое гнездо. Массивный, но элегантный особ-

няк из темного гранита и стекла, скрытый за высокими стенами и воротами с кованым ирландским узором. Здесь жили власть и традиция. Здесь жил Лиам Моррисси. И Шон.

Я вышел из машины, не дав водителю открыть дверь. Левая рука действовала нормально, правая была бережно прижата к телу, пальто накинуто на плечи, чтобы скрыть повязку. Боль пронзила тело при движении, но я лишь стиснул зубы, впустив холодный ночной воздух в легкие.

Старый дворецкий, Мэлоун, встретил меня кивком, его лицо не выражало ничего, но взгляд на мгновение задержался на странном способе, которым я держал плечо.

— Отец и мистер Шон в кабинете, сэр Ронан, — сказал он беззвучно. — Они ждут.

Конечно, ждут. Падре О'Мэлли, тот старый хрыч, уже наверняка прожужжал уши Лиаму. А Лиам, в свою очередь, вызвал Шона. Семейный совет по чрезвычайным ситуациям из-за сумасшедшей девчонки с пистолетом.

Я прошел по длинному, слабо освещенному коридору. На стенах строгие, мрачные пейзажи Ирландии, пара портретов предков с холодными, оценивающими глазами. Наш фамильный алтарь. Мы не выставляли напоказ богатство, мы его излучали и защищали.

Дверь в кабинет отца была приоткрыта. Я толкнул ее плечом и вошел.

Комната была огромной, но аскетичной. Массивный дубовый стол, за которым могло бы разместиться десять человек, но за которым сидел только один. Лиам Моррисси. Мой отец. Ему было за шестьдесят, но время, казалось, не ослабило его, а закалило, как сталь. Седые волосы, коротко стриженные, лицо с резкими, бескомпромиссными чертами, прорезанное морщинами, но не слабости, а концентрации и воли. Его глаза, такие же карие, как мои, но словно покрытые вековым льдом, поднялись на меня. Он не спросил, как я, он смотрел, оценивая ущерб, просчитывая последствия.

Шон стоял у камина, спиной к огню, заложив руки за спину. Старший брат. Тридцать три года, и каждая из них была высечена на его лице в виде шрамов, жестких складок и вечной тени недоверия в глазах. Он был крупнее меня, шире в плечах, воплощение грубой силы. Его стиль — практичная, дорогая тактическая одежда, даже здесь, в особняке. Он повернул голову, и его взгляд, острый, как шило, сразу же впился в мою неестественную позу.

— Ну что, герой, — прохрипел он первым, его голос всегда звучал немного хрипло, будто от вечного невысказанного гнева. — Принес нам новую медаль?

Я проигнорировал его, подойдя к столу.левой рукой я достал из внутреннего кармана пальто маленькую металлическую флешку и положил её на полированную деревянную поверхность перед отцом.

— Данные по поставкам Ченов. Графики, маршруты, точки перевалки. Все, как и обещали, — сказал я ровным, деловым тоном. Голос не дрогнул, хотя говорить сквозь стиснутые от боли зубы было непросто.

Флешка легла на полированное дерево с тихим, но отчетливым щелчком. Звук был на удивление громким в давящей тишине кабинета. Лиам не потянулся за ней сразу. Его ледяной взгляд скользнул по прямоугольнику, затем медленно, неумолимо поднялся на меня.

– Поставки Ченов, – повторил он. Голос был низким, ровным, как гладь озера перед штормом. – Цель достигнута. Хорошо. А остальное?

Остальное. Он имел в виду инцидент. Ошибку. Пятно на безупречном фасаде.

– Орсино были на месте, – начал я, удерживая спину прямой, плечи расправленными, несмотря на огненный шквал в правой части тела. Каждое слово требовало усилия, контроля над дыханием. – Карла. Она пришла за тем же. У них была засада, но менее подготовленная. Мы действовали быстрее, забрали курьера и груз. Они начали отступать.

– И в этот момент юная синьорина Орсино решила поставить свою подпись? – врезался голос Шона. Он отошел от камина, его тяжелые ботинки глухо ступали по персидскому ковру. Он остановился в метре от меня, рассматривая меня так, будто я был поврежденной единицей вооружения. – Промазала, что ли? Или целилась именно в плечо? Чтобы сделать тебе пирсинг, братец?

В его тоне была привычная едкая насмешка, но под ней кипящая ярость. Не за меня, а за оскорбление. Шон воспринимал все лично, особенно когда дело касалось угрозы семье и особенно когда дело касалось Орсино.

– Она целилась именно в плечо, – ответил я, намеренно глядя не на него, а на отца. – Это был не выстрел на поражение. Это был жест.

– Жест? – Шон фыркнул, и звук был похож на лопнувший глушитель. – Это пиздец какой-то, а не жест! Они что, в подворотне выясняют отношения? Ты – наследник Моррисси. Тебя нельзя просто так... выцеливать! Как последнего солдата на передовой!

Он был прав. И в этом была вся соль унижения. Она снизила уровень, свела холодную, расчетливую игру семей к уличной разборке. И я клюнул. Вернее, не клюнул, а позволил ей это сделать. Потому что не ожидал такого чисто животного, иррационального поступка.

– Она использовала момент, – сказал я, и в собственном голосе впервые за вечер услышал ледяную нотку, граничащую с тем, что клекотало внутри. – Когда мы считали, что они приняли поражение. Я... не учел этот фактор.

– Фактор «сумасшедшей карги», – прошипел Шон. – Ее же все знают! Она же ненормальная! После того, что с ней случилось...

– Шон, – голос Лиамы перебил его, как нож. Он произнес это тихо, но Шон замолчал, стиснув челюсти. Отец медленно поднялся из-за стола. Он обошел стол и остановился передо мной, его взгляд скользнул с моего лица на задрапированное пальто плечо.

– Падре О'Мэлли позвонил, – начал он, и каждое слово падало, как капля ледяной воды. – Он, как всегда, озабочен «сохранением хрупкого мира». Он сообщил, что Винченцо Орсино в бешенстве. Но не на нас. На свою дочь. Интересно, да?

Он сделал паузу, давая этой информации осесть.

– Орсино трусят. Они не хотят эскалации, их наследница нахулиганила, и теперь старик боится последствий. – В голосе Лиам прозвучало холодное, почти интеллектуальное удовольствие. Он всегда видел дальше сиюминутной драки, он видел все поле боя. – Это дает нам преимущество. Моральное. Дипломатическое.

– Преимущество? – вырвалось у Шона. – Они в Ронана стреляли! Какое, нахуй, преимущество? Надо ответить! Жестко и быстро! Устроить погром в их клубах, перекрыть пару их каналов! Пусть знают, что с нами так нельзя!

– И начать открытую войну на два фронта? – спросил я, наконец повернув голову к брату. Боль пронзила шею, но я не дрогнул. – Пока Чены трут лапы и ждут, когда мы с Орсино перегрызем друг другу глотки? Ты этого хочешь?

– Я хочу, чтобы они боялись поднять на нас глаз! – Шон ударил кулаком по спинке ближайшего кресла. Мебель аристократично вздрогнула. – А сейчас что? Теперь вся Бездна, все мелкие шавки будут думать, что в Моррисси можно стрелять! Что мы позволяем истеричкам из семейки макаронников себя расстреливать!

Он был прав в своей плоскости. Репутация в нашем мире – это валюта. Кровь, страх, уважение. Пуля, даже не смертельная, но оставшаяся без немедленного, жестокого ответа, могла быть воспринята как слабость. Но Шон мыслил категориями грубой силы. Он был молотом. Инструментом. Мощным, но ограниченным.

– Страх – это не только грубая сила, Шон, – сказал отец, возвращаясь к своему креслу. Он сел, сложив руки перед собой. – Это также знание, когда ударить. И понимание, как превратить удар врага в свое оружие. Винченцо боится войны. Он боится за свою дочь, за своего сына, за свой хаотичный, аморфный бизнес. Мы – нет. У нас порядок, структура и у нас теперь есть это. – Он ткнул пальцем в сторону флешки, а затем указал на мое плечо. – И это.

Я понимал, к чему он клонит. Это была игра более высокого уровня. Не ответный выстрел, а холодный, расчетливый шантаж. Использовать этот инцидент как рычаг, чтобы выжать у Орсино уступки: территорию, долю в порту, часть их легального бизнеса. Заставить их платить за «выходку» их принцессы. Это было умно и прагматично.

Но внутри меня что-то сопротивлялось. Что-то темное и личное, что не имело отношения к бизнесу. Это была ее ухмылка. Ее крик: «Передавай привет папочке, айсберг!». Она не просто нанесла ущерб семье. Она нарушила личный, негласный барьер. Она вошла в мое пространство, в мой контроль, и оставила там свой грязный, яркий след.

– Отец, – произнес я, и мой голос прозвучал странно отчужденно даже в моих ушах. – Эта... истеричка. Карла. Она не действует по шаблону Орсино. Риккардо – да. Винченцо – да. Они предсказуемы. Она – нет. Она опасный фактор непредсказуемости.

– Все сумасшедшие опасны, пока не поймешь, что движет их безумием, – философски заметил Лиам. – Ее движет боль и страх. И желание доказать, что она не сломлена. Она пытается компенсировать слабость показной силой и это делает ее уязвимой.

– Или безрассудной, – добавил Шон мрачно. – А безрассудныедохнут первыми. Может, и к лучшему.

– Нет, – резко сказал я, и оба – и отец, и брат – уставились на меня. Я сам не ожидал такой резкости в тоне. Я смягчил его, добавив прагматики: – Ее смерть сейчас взорвет ситуацию. Винченцо будет мстить слепо, яростно. Весь их клан поднимется, Чены только этого и ждут.

Я видел, как в глазах отца мелькнуло одобрение. Он думал, что я мыслю стратегически и я мыслю, но не только. Где-то в глубине, под слоями льда и расчета, зрело другое понимание. Она была проблемой. Моей проблемой, она посмела выстрелить в меня. И теперь... теперь я хотел разобраться с ней сам. Не как с пешкой в игре семей, а как с личным вызовом. С угрозой, которая проявила себя в самой дерзкой форме.

– И что ты предлагаешь? – спросил Лиам, изучая меня. – Мы не можем оставить это просто так. Репутация.

– Мы используем это, как ты и сказал, – ответил я, возвращаясь к холодной логике. – Давим на Винченцо дипломатически. Требуем компенсации, но открытого конфликта избегаем. Что касается Карлы... – я сделал едва заметную паузу. – С ней нужно обращаться... аккуратно. Ее безумие нужно направить или изолировать, но это должна быть точная работа, не молоток Шона.

Шон фыркнул, но промолчал. Он знал свою роль, он был темным рыцарем, пугалом. Его вызывали, когда нужен был беспредел и жестокость. Но тонкие манипуляции, игра на нервах – это была не его стихия.

– Хорошо, – кивнул Лиам. – Завтра я позвоню Винченцо. Вежливо, по-соседски. Выражу озабоченность «неконтролируемым поведением» его дочери. Намекну на возможные... последствия для их бизнеса. Посмотрю, что он предложит взамен нашего молчания. – Он откинулся на спинку кресла, и его взгляд стал отстраненным, смотрящим в будущее. – А ты, Ронан, займись флешкой. Выжми из нее все, что можно по Ченам. И... восстановись. Твое плечо теперь не только твоя проблема.

Это был приказ и увольнение. Дело переходило в плоскость переговоров и анализа. Физическая часть инцидента считалась закрытой для них.

– Да, отец, – я кивнул.

– И, Ронан, – добавил Лиам, когда я уже повернулся к выходу. Я остановился. – Контроль. Всегда контроль. Не позволяй эмоциям – гневу или жажде мести – ослепить тебя. Она выстрелила, надеясь вызвать именно это, не дай ей удовлетворения.

Удовлетворение. Да, может быть, она и получила свое сиюминутное наслаждение, но игра только начиналась.

Боль в плече с каждой минутой, кажется, только усиливалась, пропитываясь холодной яростью, которую я не мог выпустить наружу. Я не пошел в свои покои в особняке. Мне нужно было свое пространство и порядок.

Через двадцать минут я был в своем пентхаусе в «Блеске». Лифт поднялся на самый верх без единого звука, дверь открылась в бесшумную, стерильную тишину.

Пространство, залитое холодным светом из панорамных окон, открывающих вид на ночной Манхэттен – море огней, упорядоченное геометрией улиц. Минималистичная мебель из светлого дерева и стали. Ничего лишнего. Ни одной пылинки. Каждая вещь на своем месте. Здесь царил абсолютный контроль. Мой контроль.

Я сбросил пальто на ближайший стул – единственный беспорядок, который я позволил себе сегодня. Под ним рубашка была разрезана доктором, повязка белела грубым пятном на фоне идеальной ткани. Я медленно, преодолевая спазмы, снял пиджак, затем разрезанную рубашку. Остался в брюках, стоя посреди гостиной, глядя на свое отражение в темном стекле окна. Я был бледен. Мускулы на груди и животе напряжены от боли и сдерживаемого гнева. Повязка на плече выглядела чуждо, как признак поражения.

Я подошел к зеркалу в стене, встроенному в шкаф. Пристально посмотрел на свое отражение. На лицо, которое многие называли красивым, но которое я всегда считал просто функциональным – способным выражать только то, что требуется. Сейчас на нем была пустота. Но внутри...

Внутри бушевало. Ее лицо. Ее ухмылка. Ее глаза, полные какого-то дикого, ненормального вызова. Она смотрела на меня не как на врага, не как на соперника. Она смотрела как на объект, на мишень. И это было... невыносимо.

Я всегда презирал Орсино. Их показную, шумную, эмоциональную итальянскую свистопляску. Их неспособность держать себя в руках. Их вечные семейные сцены, которые доносились даже до нас через сплетни и отчеты. Они были хаосом. Антитезой тому, чем были Моррисси. Мы были тишиной перед ударом, льдом, который калечит медленнее, но вернее, чем огонь.

И она, Карла, была самым ярким, самым раздражающим проявлением этого хаоса. Надломленная. Истеричка. Шлюха, если верить слухам, которые ходили после ее возвращения из плена, но сегодня я увидел не только это. Я увидел расчет. Безумный, искаженный, но расчет. Она не стреляла, чтобы убить, она стреляла, чтобы донести мысль. Чтобы доказать что-то себе, мне, всему миру.

И, черт побери, доказала.

Я потянулся левой рукой к мини-бару, налил виски. Выпил залпом, не ощущая вкуса. Алкоголь ударил в пустой желудок, добавив свой жар к пожару в плече.

Контроль. Отец прав. Она хочет, чтобы я потерял контроль. Чтобы я, как они, зарычал, полез в драку, начал войну. Чтобы я опустился до ее уровня.

«Не дай ей удовлетворения».

Я поставил бокал. Звук был идеально чистым в тишине.

Хорошо. Не получит. Она получит кое-что другое. Она хотела внимания? Хотела, чтобы я ее заметил? Что ж, теперь она у меня на радаре. Не как дочь Винченцо, не как проблема семьи Орсино, а как личный вызов. Как аномалию, которую нужно изучить, понять и... обезвредить самым эффективным способом..

Я просто найду ее слабое место. Найду то, что скрывается за этой маской безумия и вызова. И когда найду... я использую это. Не для того, чтобы убить. Нет. Чтобы сломать, чтобы оказать ей, что лед – не просто холодный, он еще и неумолимый. И под его давлением трескается даже самый прочный камень.

Или самое безумное сердце.

Я повернулся от окна, направившись в спальню. Нужно было принять душ. Смыть с себя запах Бездны, пороха и ее дерзости. А завтра... завтра начнется новая игра. И на этот раз правила буду устанавливать я.

ГЛАВА 3. РОНАН

Прошло несколько дней. Неделя, если быть точным. Семь дней, за которые пуля в плече превратилась из огненной вспышки в глухую, навязчивую ноющую боль, которая будила по ночам и напоминала о себе при каждом резком движении. Но боль была лишь фоном, основное действие разворачивалось в другом поле.

Флешка оказалась золотой жилой. Данные были чистыми, не зашифрованными – Чены, видимо, слишком уверовали в свою неуязвимость. За несколько дней наши специалисты по кибербезопасности и логистике, работающие в легальных холдингах, спланировали и провели серию точечных ударов. Не громких и не кровавых, а финансовых.

Были сорваны две ключевые поставки электроники для их легального фасада – контейнеры «случайно» задержали таможенники, получившие анонимные наводки о контрабанде. Были атакованы счета нескольких подставных фирм, через которые шли отмывочные потоки. Не обнулены – это привлекло бы слишком много внимания. Просто «заблудились» на пару дней, создав кассовые разрывы, которые заставили нервничать их партнеров в Гонконге. Чены почувствовали укол. Острую, внезапную боль в ребро. Они знали, что это мы, но доказательств не было. Только холодный, безличный удар там, где они этого не ждали. Идеальная работа.

Отец, как и обещал, созвонился с Винченцо. Я не присутствовал при разговоре, но Лиам пересказал суть за завтраком, с тем же безразличием, с каким обсуждал биржевые сводки.

– Винченцо извинялся, – сказал отец, намазывая масло на тост. – Не напрямую, конечно. Говорил о «недоразумении», о «сложном характере» дочери, о том, что она «действовала без санкции семьи». Предложил в качестве жеста доброй воли небольшую уступку по аренде складов в порту. Три процента от их доли. Я, естественно, намекнул, что этого недостаточно, что репутационный ущерб куда серьезнее. Мы договорились о встрече их и наших юристов на следующей неделе, чтобы обсудить «компенсацию» более детально.

Он откусил тост, тщательно пережевывая.

– Они на крючке, Ронан. Они боятся. И этот страх нам выгоднее, чем труп Карлы Орсино на нейтральной территории. Пока что.

Шон хмыкнул, поглощая яичницу.

– Все равно нужно было ей пальцы переломать. Каждый. Чтобы в следующий раз прицелиться не смогла.

Я молчал, допивая кофе. Встреча юристов. Процент от аренды. Холодная, бездушная сделка. Это был правильный, рациональный ход. Но где-то в глубине, под ребрами, это рациональное решение оставляло странный, металлический привкус. Как будто я позволил кому-то другому распорядиться моей обидой. Превратить личную дерзость в бухгалтерскую проводку. Это бесило, но проявлять это бешенство было нельзя. Контроль.

Сейчас был вечер пятницы. Я стоял в своем пентхаусе, глядя на закат над Центральным парком. Небо пылало алыми и золотыми полосами, отражаясь в бесконечных стеклянных фасадах. Рана под свежей повязкой ныла монотонно, привычно. Я почти не пользовался пра-

вой рукой, и это раздражало сильнее самой боли – чувство собственной временной неполноценности.

Я собирался провести вечер за отчетами по атакам на Ченов и планированием следующих шагов. Ничего личного, только бизнес, как вдруг тишину разорвал негромкий, но настойчивый звук – мелодичный перезвон на входной панели управления, который я слышал только от одного человека.

Киран .

Мысль пронеслась с привычной смесью раздражения и легкой досады, что мое уединение нарушено. И одновременно смутного предчувствия, что этот визит хоть как-то разнообразит монотонность боли и расчетов.

Я не ответил, не нажал кнопку домофона. Я знал, что это бесполезно. Через тридцать секунд раздался звук открывающегося лифта. Мягкий щелчок, затем знакомые, уверенные шаги по полированному бетонному полу. Он вошел в гостиную, как всегда без стука, как будто это была его территория.

– Брат! А я уж думал, тебя дома нет. Или ты уже в отключке, наглотавшись обезболивающего. – его голос, бархатный, насмешливый и невероятно жизнерадостный, заполнил пространство, нарушив его акустический баланс.

Я медленно обернулся. Он стоял посреди комнаты, расставив руки в театральном жесте, будто ожидал аплодисментов. Киран. Младший брат. Двадцать восемь лет харизмы, дерзости и показного легкомыслия. Он был одет с той небрежной, безупречной элегантностью, которую только он мог себе позволить: темные, идеально сидящие джинсы, черная водолазка из тончайшего кашемира, небрежно наброшенный спортивный пиджак из серой шерсти на ней, который стоил как небольшой автомобиль. Его светло-русые волосы были слегка растрепаны, будто он только что вышел из-за руля своего астана, который, наверняка, сейчас стоял у подъезда на аварийке. Его темно-зеленые глаза, всегда яркие и насмешливые, сейчас изучали меня с неподдельным интересом.

– Я не звал тебя, – сказал я ровно, возвращаясь к созерцанию заката.

– О, а я и не ждал приглашения! – Он флегматично махнул рукой и направился к моему бару, как к своему. – Услышал от Шона, что ты немножко подстрелен, решил проведать, принести глоток лекарства получше твоих таблеток.

Я слышал, как он наливает два бокала, не спрашивая. Я закрыл глаза на секунду, ощущая, как привычное раздражение поднимается по спине. Он всегда врывается, нарушает границы, ведет себя так, будто весь мир – его личный клуб «Обливион», где он за главного.

– Шону следовало бы поменьше болтать, – пробурчал я.

– Ой, да ладно тебе. Это же семейное дело! – Киран подошел, протягивая мне бокал с темно-янтарной жидкостью. Я взял левой рукой, наши пальцы ненадолго соприкоснулись. Его руки были теплыми и живыми. Мои холодными. – За твоё здоровье. И за меткий глаз синьорины Орсино, надо же, прямо в плечо. Символично, не находишь? Не в сердце, не в голову... а в то, что несет тяжесть. Поэтично, черт возьми.

Он чокнулся со своим бокалом и отпил, не отрывая от меня взгляда. В его словах не было злобы. Было... любопытство. И какое-то пограничное восхищение нахальством поступка. Это бесило еще больше.

– Это было глупо и безрассудно, – отрезал я, делая глоток. Виски было отменным, одно-солодовым, с дымным послевкусием, он всегда знал, что выбрать. – Она поставила под удар хрупкое перемирие.

– Перемирие? – Киран фыркнул и развалился на моем диване из белой кожи, закинув ногу на ногу, совершенно не заботясь о том, что на нем уличная одежда. – Какое еще перемирие? У нас с этими макаронниками вечная холодная война. А она просто... добавила немного тепла. В прямом смысле. – Он указал на мое плечо своим бокалом. – Признайся, брат, тебя это задело, не только физически.

Он смотрел на меня с той пронизательностью, которую всегда тщательно скрывал за маской плейбоя. Иногда мне казалось, что Киран видит людей насквозь и использует это знание исключительно для того, чтобы дразнить их или получать то, что хочет.

– Она нарушила правила, – сказал я, отходя от окна и садясь в кресло напротив него. Позволить себе стоять, пока он развалился, означало дать ему психологическое преимущество. – И за это поплатится.

– Через три процента арендной платы? – Киран засмеялся, и звук был искренним. – Боже, Ронан, только ты и отец можете превратить выстрел в плечо в скучнейшую деловую сделку, я бы с ней по-другому разобрался.

Я почувствовал, как мышцы на лице напряглись. «По-другому» у Кирана означало что-то дерзкое, публичное, эпатажное. То, что принесло бы ему удовольствие и славу бесстрашного задиры, и создало бы мне и отцу кучу дополнительных проблем.

– Не вздумай, – сказал я, и в моем голосе прозвучала сталь, которую он знал хорошо. – Ты не приблизишься к ней и будешь с ней контактировать. Это не игра.

– Все – игра, братец, – парировал он, но в его глазах на секунду мелькнула тень серьезности. – Просто у всех разные правила. У тебя – шахматы, у меня... покер с блефом, а у нее, похоже, русская рулетка. – Он допил виски и поставил бокал на стеклянный столик с небрежным звоном. – Но интересно, да? Карла Орсино. «Надломленная». Все о ней шепчутся, но никто не знает, что там на самом деле. Говорят, после того, как ее мексиканцы вернули, она... изменилась.

– Она стала опасной и непредсказуемой, – заключил я. – И это все, что нам нужно о ней знать.

– Ой, не знаю, не знаю, – Киран покачал головой, и его взгляд стал задумчивым. – Я видел ее пару раз издалека. На открытиях, в «Стекло» заходила однажды, под видом гостя, наверное, разведку делала. Она смотрит на людей так, будто видит их насквозь и ей от этого скучно или смешно. В этом есть что-то... притягательное, как от вида красивой, но ядовитой змеи.

Я слушал его, и внутри что-то холодное и тяжелое сжималось. Его описание было слишком точным и его интерес слишком явным. Киран обожал все опасное, яркое, запретное, а Карла Орсино была воплощением всего этого.

– Забудь о ней, – повторил я, и на этот раз в голосе прозвучала не просьба, а приказ. – Она – проблема. И мы решаем проблемы иначе, чем ты.

– Угу, скучно и прагматично, – вздохнул Киран, но не стал спорить. Он знал границы. Иногда. Он сменил тему, развалившись еще больше. – Кстати, насчет Ченов – хорошая работа. Я слышал, у них сейчас мелкая паника в рядах. Дэвид Чен, тот садист, в ярости, говорят, двух курьеров на днях чуть не забил до смерти за какую-то оплошность. Старик Чен недоволен, они не ожидали такого тихого удара.

– Они ожидали, что мы полезем в лобовую на Орсино, – сказал я, позволяя себе небольшое, холодное удовлетворение. – Мы их разочаровали.

– Всегда радуюсь, когда наши планы сбываются, – ухмыльнулся Киран. Потом его взгляд снова стал изучающим. – А как плечо? Действительно сильно болит?

– Терпимо.

– Пиздишь, я вижу по глазам. Когда ты терпишь боль, у тебя зрачки становятся чуть уже.

Я ничего не ответил. Он снова был прав. Это умение читать людей... если бы он направлял его в нужное русло, а не использовал для собственного развлечения и манипуляций...

– Ладно, не буду тебе нервы трепать, – он вдруг поднялся с дивана, потянулся с грацией большого хищника. – У меня дела. В «Обливионе» сегодня тематическая вечеринка «Забвение в алых тонах». Должно быть жарко. – Он подошел, похлопал меня по здоровому плечу. – Выздоровливай и не закидай тут в одиночестве. Иногда нужно выйти, потанцевать на краю... Осторожно, конечно.

Его слова, его прикосновение, его беспечность – все это вызывало во мне бурю противоречий. Я его любил. Он был моим братом. Единственным человеком в семье, с кем у меня оставалась какая-то... связь, помимо долга и иерархии. Шон был солдатом. Отец – генералом. Киран... Киран был чем-то вроде шута, но шута, который видел короля насквозь и иногда, очень редко, говорил правду, замаскированную под шутку.

Но он же был и моей постоянной головной болью. Его легкомыслие, его любовь к риску, его публичные выходки – все это было непредсказуемым фактором, который мог в любой момент обрушить тщательно выстроенные планы. Как сейчас, с его интересом к Карле.

– Киран, – остановил я его, когда он уже направлялся к лифту. Он обернулся, бровь вопросительно поползла вверх. – Будь осторожен, Чены теперь на взводе, Орсино тоже, не создавай лишних поводов.

Он улыбнулся своей самой ослепительной, беззаботной улыбкой, от которой у женщин подкашивались ноги, а у меня сжимались кулаки.

– Я всегда осторожен, брат. Просто моя осторожность выглядит как полное ее отсутствие. Это и есть лучший блеф. Спокойной ночи.

Я допил свой виски, все еще чувствуя на плече тепло его руки. «Притягательная, как ядовитая змея». Он так сказал о ней и в этом была опасность. Киран мог, движимые любопытством и жадой острых ощущений, полезть прямо в ее пасть. И что тогда? Она его съест? Или он... приручит ее? Нет, это было невозможно. Она не из тех, кого можно приручить.

Мысль о том, что Киран и Карла могут как-то пересечься в его безумном мире ночных клубов и вечеринок, вызвала во мне странное, холодное чувство. Это было... раздражение от того, что еще один непредсказуемый элемент пытались добавить в и без того сложное уравнение. И предчувствие беды.

«Она – проблема», – сказал я ему. И это была правда. Но проблема, которую я почему-то хотел решать сам. Без легкомысленного вмешательства Кирана, без грубого молота Шона и даже без холодной дипломатии отца.

Я посмотрел на свое отражение в темном стекле. Пустое лицо, но внутри зрело решение. Нужно было больше информации. Не только как о противнике, а как о... явлении. Нужно было понять движущие силы ее безумия. Ее страхи. Ее уязвимости, чтобы, когда придет время действовать, удар был точен и неотразим.

Игры в шахматы, как сказал Киран, были хороши. Но иногда, чтобы выиграть, нужно было понять психологию игрока, сидящего напротив. Даже если этот игрок предпочитал русскую рулетку.

Я отвернулся от окна и направился к своему кабинету. Работа не ждала. А новая, личная задача только что обрела более четкие очертания. Подогретая легкомысленными, но точными словами моего брата.

...

Суббота должна была быть спокойной. День, чтобы проверить обновленные отчеты по безопасности, проследить за колебаниями на рынках, которые мы контролировали, и, возможно, дать плечу хоть немного отдохнуть от постоянного напряжения. Планы рухнули в 8:17 утра.

Звонок разорвал тишину пентхауса не звонком, а резким, непрерывным трезвоном, который означал только одно — экстренную связь по защищенному каналу. Я уже был на ногах, первый глоток кофе так и остался недопитым. Голос в трубке был сдавленным, без эмоций, но в нем слышалось напряжение. Это был Деклан, наш капо, отвечающий за логистику и склады в порту.

— Сэр Ронан. Нападение на склад номер четыре на Бруклинских доках тридцать минут назад.

Холодная струя пробежала по спине, моментально протрезвив.

— Потери?

— Двое наших на входе убиты выстрелами в голову, чистая работа. Охрана внутри оглушена газом. Они не ждали атаки изнутри.

— Что взяли?

Последовала более тяжелая пауза.

— Ничего. Ничего не взяли. Они... устроили погром. Перевернули все, испортили товар, разбили серверную стойку с локальными данными по отгрузкам. И... оставили послание.

Послание. Слово повисло в воздухе, тяжелое и зловещее.

— Какое?

— Краской из баллончика на стене в главном зале... На итальянском.

Я уже знал, что услышу, но это не сделало удар мягче.

— Говори.

— «Con affetto, Carla O.». С любовью, Карла О.

Тишина в трубке гудела. В моих ушах зазвенело. Сначала от ледяного, абсолютного шока, потом шок растаял, обнажив под собой пласт ярости такой чистоты и силы, что на мгновение перехватило дыхание.

Сука. Безумная, истеричная, ебанутая сука.

— Я выезжаю, — выдавил я, бросая трубку. Плечо вспыхнуло новой болью, когда я рывком натянул пиджак на простую черную футболку. Я его игнорировал. Вся боль, все раздражение последних дней сконцентрировалось теперь в одном белом-горячем точке ненависти к ней.

Это было не просто продолжение вражды. Это был плевок в лицо. После выстрела, после переговоров отца, после их уступок и извинений. Она пошла ва-банк. Убила двоих наших, устроила цирк и оставила свою дерзкую, идиотскую подпись. «С любовью». Как будто это была какая-то ебнутая игра.

Я мчался на черном кайенне, водитель выжимал из машины все, прорываясь сквозь субботнее утреннее движение. В голове стучала одна мысль: Она сошла с ума окончательно и ее нужно остановить.

Склад номер четыре был не самым крупным, но стратегическим. Там хранились не столько товары, сколько документация, резервное оборудование для связи, часть бухгалтерии по портовым операциям. Удар был точен, не для грабежа, а для демонстрации, устрашения, чтобы показать, что они могут достать нас даже здесь, даже после всего.

Машина врезалась на территорию доков, миновав уже усиленные кордоны наших людей, перед складом, массивным серым зданием из рифленого металла, уже толпились наши. Двое лежали на земле, накрытые брезентом. Я лишь мельком взглянул на очертания тел, отметив про себя, что добавлю их имена в список долгов перед Орсино. Долг, который быстро перерастал в необходимость кровной расплаты.

Внутри царил хаос. Стеллажи перевернуты, ящики вскрыты и разбросаны, белая порошкообразная субстанция (наркотики, еще не расфасованные) покрывала пол, как грязный снег. В воздухе висела едкая краска. И на дальней стене, прямо напротив входа, сияло свежей, ярко-красной надписью:

CON AFFETTO, CARLA O.

Буквы были кривыми, размашистыми, нанесенными с какой-то истеричной энергией. Это было ее, не быть никто другой. Только она была настолько театральна, настолько безумна и настолько одержима идеей личного противостояния.

Шон уже был здесь. Он стоял посреди разгрома, сжав кулаки, его лицо было багровым от ярости. Увидев меня, он резко повернулся, и его глаза метали молнии.

— Видел? Видел, блядь, эту паскудную надпись?! — его голос гремел под сводами склада, заставляя даже наших людей вздрагивать. — «С любовью»! Я ей эту любовь в глотку запихну, сука!

Я прошел мимо него, холодный, как лед, но внутри все горело. Я осматривал помещение. Чистая работа, как и сказал Деклан. Охранники на входе выстрелы с близкого расстояния, в упор. Значит, подошли близко, возможно, знакомые лица или притворились своими. Газовая атака изнутри значит, был свой человек или они проникли раньше и заложили баллоны. Это говорило о подготовке, о разведке, это не был спонтанный порыв.

— Наши камеры? — спросил я у подбежавшего техника, который возился у разбитой серверной стойки.

— Стерты. Все данные за последние 48 часов — в ноль. — техник мрачно покачал головой. — Кто-то знал пароли и протоколы.

Еще один гвоздь. Предательство? Или просто хорошая хакерская работа? У Орсино была эта тихоня, Вайолет Чжоу. Говорили, она творит чудеса с электроникой, это было похоже на ее почерк.

Шон подошел вплотную.

— Что будем делать, Ронан? А? Опять звонить папе, чтобы он договаривался? Они наших режут! Нас унижают! Над нами смеются! Эта психопатка считает, что может безнаказанно стрелять в тебя, а потом разбрасываться такими... такими посланиями!

Он ткнул пальцем в сторону надписи, словно хотел стереть ее силой взгляда.

— Мы отвечаем. Жестко. Я беру двадцать человек, и мы выжигаем все, что у них есть в этом районе! Их клубы, их кабаки, их машины! Пусть знают!

— И это именно то, чего они хотят! — огрызнулся я, наконец повернувшись к нему. Моя холодность треснула, выпустив наружу клокочущую внутри злость. — Не видишь, кретин? Это провокация! Чистейшей воды! Она хочет, чтобы мы полезли в драку сломя голову! Чтобы началась мясорубка!

— А что, по-твоему, это уже не мясорубка?! — Шон указал на трупы у входа. — Моих людей убили! Это объявление войны!

— Это игра! Ее ебнутая игра! И мы не будем играть по ее правилам!

— Твои правила приводят к тому, что нас держат за лохов! — заорал Шон, и несколько наших людей невольно отпрянули. — Сначала пуля, теперь это! Что дальше? Она придет сюда и нарисует тебе хуй на лбу? Или ты ждешь, пока она тебе в другое плечо не выстрелит? Для баланса!

Его слова били по моему уязвленному самолюбию. Он был груб и прямолинеен, но он был прав в одном — терпеть это дальше было нельзя. Контроль, о котором говорил отец, был хорош, когда противник рационален. Но она... она была иррациональна, как стихийное бед-

ствие. На ураган не действуют дипломатические ноты. Его нужно или переждать в укрытии или попытаться рассеять.

— Мы ответим, — сказал я тише, и мой голос прозвучал зловеще в наступившей тишине. — Но не как дикари. Мы ответим так, чтобы ей было больно. Ей лично.

Шон фыркнул, но немного успокоился, увидев во мне ту же ярость, просто закованную в лед.

— И как ты это сделаешь? Пригласишь ее на чай?

— Я узнаю, что для нее важно. Что скрывается за этим... представлением, а потом лишу ее этого.

В этот момент зазвонил мой телефон. Лиам. Новости, видимо, долетели, я поднес трубку к уху.

— Отец.

— На складе? — его голос был таким же ледяным, как всегда, но в нем чувствовалось напряжение стальной пружины, сжатой до предела.

— Да. Двое убиты. Погром. Надпись.

— Карла Орсино. — Он произнес это не как вопрос, а как приговор. — Я только что говорил с Винченцо. Он клянется, что ничего не знал, что это была ее личная инициатива. Что она «не контролирует себя».

— Врет, — процедил я.

— Без сомнений, но это меняет ситуацию. Их официальная позиция — они не при делах. Значит, мы можем действовать против нее, не объявляя войны клану. Винченцо будет вынужден проглотить это, если хочет сохранить лицо и избежать большой крови.

— Что предлагаешь?

— Публичное унижение. Она любит быть на виду, нужно вытащить ее темное, грязное прошлое на свет. Использовать ее же истеричность против нее. Сделать так, чтобы даже свои от нее отвернулись, а потом... устранить. Как вышедшую из-под контроля бешеную собаку. Без шума, так, чтобы это выглядело как несчастный случай или сведение личных счетов, не связанных с семьями.

План был жестоким. Холодным. Эффективным. Но он снова предполагал игру в тени. Манипуляции. Ожидание.

— Она уже перешла все границы, отец, — сказал я, глядя на кроваво-красную надпись на стене. — Она думает, что может безнаказанно бить нас, и мы будем только составлять планы мести. Она не понимает языка переговоров, она понимает только силу.

— Тогда прояви силу, Ронан, — ответил Лиам, и в его голосе впервые зазвучало нечто, похожее на вызов. — Но прояви ее с умом. Не как Шон, как Моррисси. Найди ее слабость и нанеси один удар. Смертельный. А пока что... увеличь охрану всех объектов и жди. Следующий ход будет за ней, сумасшедшие всегда торопятся.

Он положил трубку. Я простоял еще минуту, глядя на хаос, который она устроила. Ненависть во мне закипала, холодная и густая, как нефть. Она была единственным человеком за последние годы, который мог вывести меня из себя до такой степени. Который мог заставить забыть о контроле, о расчете, и пробудить чисто животное желание ответить ударом на удар.

Но я был Моррисси. Я был айсбергом. И даже самая яростная ненависть должна была быть направлена в нужное русло, заморожена до состояния совершенного, смертоносного оружия.

Я повернулся к Шону, который все еще пылал, как факел.

— Успокой своих людей, усиль охрану. Никаких вылазок, никакого самосуда.

— Ты серьезно?!

— Абсолютно. Она хочет нашей реакции, она ее не получит. Не сейчас. — Я сделал шаг к выходу, но перед этим в последний раз обернулся, чтобы встретиться взглядом с той дурацкой, вызывающей надписью. — Она получит реакцию, когда меньше всего будет этого ожидать и это будет не погром в клубе. Это будет что-то такое, после чего она уже никогда не возьмет в руки баллончик с краской.

Я вышел на холодный, соленый воздух, глубоко вдохнув. Ярость никуда не делась. Она просто ушла внутрь, в самое нутро, кристаллизовалась там, превращаясь в нечто твердое и неумолимое. Я сел в машину.

«Найди ее слабость. И нанеси один удар. Точный. Смертельный.»

Слабость. У нее их должно быть много, под маской безумия всегда скрывается боль. Страх. Детские травмы. Ее плен у мексиканцев... об этом почти ничего не было известно. Только слухи, шепот и эти шрамы, о которых все говорили. В этом было что-то. Глубокая, незаживающая рана, ключ.

И я найду его. Я вскрою ее прошлое, как вскрывают гнойник. Узнаю каждую деталь того, что с ней случилось. И тогда... тогда я решу, что с этим делать. Как использовать, чтобы причинить максимальную боль. Не физическую. Хуже. Чтобы сломать ту самую дерзкую, безумную личность, которая считала, что может бросать вызов Моррисси.

Машина тронулась, увозя меня от места очередного ее триумфа, но в моей голове уже строились холодные и безжалостные планы. Она хотела войны? Она ее получит. Но это будет другая война, где оружием будут не пули, а секреты. Не взрывы, а страх. И где конечной целью будет не территория, а полное и окончательное уничтожение Карлы Орсино. Как личности.

ГЛАВА 4. КАРЛА

10 часов назад

Пятница. Словно глоток воздуха после недели, проведенной в бетонных джунглях, в запахе пороха и ледяных взглядах. Особняк Орсино давил своим показным благополучием, вечными нравоучениями отца и Риккардо. А «Серенити»... «Серенити» был моим убежищем, моим громким и ярким детищем.

Я сидела в своем кабинете на втором этаже клуба. Здесь было темное дерево, бархатные бордовые диваны, полки, заставленные странными безделушками, которые я собирала по всему миру (или которые привозили мне), и огромное окно в пол с зеркальным стеклом, через которое я могла видеть весь танцпол внизу, оставаясь невидимой, сейчас там только настраивали свет и звук, готовясь к вечернему нашествию.

На низком столике стояли три бокала и бутылка дорогого, но крепкого итальянского граппы.

— За провал, который не был провалом, — сказала я, поднимая свой бокал.

Вайолет, устроившаяся в кресле-кокон с ноутбуком на коленях, лишь кивнула, не отрывая глаз от экрана, но ее бокал был пуст ровно на столько же, на сколько и мой. Лука, развалившийся на диване, мрачно хмыкнул.

— За то, что живы, — поправил он, осушая половину стакана залпом. — И за то, что не начали войну из-за твоего... жеста.

— Жест был необходим, — отрезала я, наслаждаясь тем, как граппа обжигает горло и разливается теплом внутри. — Он теперь будет думать дважды, прежде чем смотреть на меня сверху вниз.

— Он будет думать, как прикончить тебя с максимальной эффективностью и минимальными последствиями, — безрадостно констатировал Лука. — Это Ронан Моррисси, Карла. Он не из тех, кто просто затаит обиду, он ее... архивирует и когда-нибудь предъявит счет с процентами.

— Пусть попробует, — я махнула рукой, наливая себе еще. Алкоголь начинал делать свое дело, сглаживать острые углы, приглушать навязчивый шепот в глубине сознания. — А пока... сегодня пятница. И я не собираюсь всю ночь говорить о Моррисси.

Мы выпили еще, Вайолет, как всегда, была немногословна, но ее сухие, точные комментарии по поводу идиотизма посетителей заставляли нас смеяться. Лука постепенно расслабился, перестал хмуриться и начал рассказывать анекдоты про Винченцо и его ненависть к смартфонам. Было... нормально. Почти по-семейному. Но даже здесь, с ними, с самыми близкими, оставалась незримая стена. Тот кусок меня, который навсегда остался в пыльном, жарком подвале по ту сторону границы. Его нельзя было показывать, его можно было только глушить.

Когда бутылка опустела наполовину, а внизу забили первые басы и зажглись лазеры, я встала.

— Ладно, дети. Маме нужно идти развлекать толпу и себя заодно.

Лука поднял бровь.

— Ты уверена? Ты уже немало приняла.

— Именно поэтому я и уверена, — ухмыльнулась я, скидывая с плеч пиджак от дорогого костюма, под которым оказалась простая черная футболка и кожаные шорты. Я поправила кольцо в носу перед зеркалом-стеклом, отражение показывало знакомое лицо с слишком яркими глазами.

Спустившись вниз, я растворилась в хаосе. «Серенити» был не таким пафосным, как «Стекло» Моррисси, и не таким безумным, как «Обливион» его братца. Здесь была своя атмосфера — горячая, чувственная, средиземноморская. Много красного, золотого, живых растений, запах кофе, цитрусов и дорогого парфюма. И музыка не давящий техно, а живой, страстный хаус с итальянскими мотивами.

Я прошла к барной стойке, кивнула бармену. Он, не спрашивая, налил мне негрони. Горький, крепкий, идеальный. Я прислонилась к стойке, наблюдая за толпой. Знакомые лица — наши солдаты, несколько легальных бизнесменов, связанных с семьей, красивые девушки и парни, пришедшие за острыми ощущениями от близости к нашему миру. Их восхищенные и пугливые взгляды скользили по мне. Я была здесь королевой и это чувство, хоть и было пустышкой, хоть на время приглушало все остальное.

Первый негрони исчез быстро, за ним последовал второй, потом какие-то шоты, которые подносили знакомые. Алкогольный туман сгущался, делая свет мягче, а звуки приглушеннее. Я начала двигаться в такт музыке, сначала просто покачиваясь на месте, потом все более раскованно. Кто-то пригласил меня танцевать, какой-то знакомый парень из охраны соседнего клуба. Его руки на моей талии были тяжелыми и навязчивыми. Я позволила ему на несколько минут, наслаждаясь простым физическим контактом, а потом оттолкнула с улыбкой и потерялась в толпе.

Мне нужно было больше. Больше шума, больше скорости, больше... забвения.

Еще шот. На этот раз текила, я закусила лаймом, морщась, и поймала чей-то взгляд через барную стойку.

Он был не отсюда, это было видно сразу, не мафиозная кость, не наемник. Одежда дорогая, но не выверенная до мелочей, как у наших. Скорее, модная. Красивое, почти милое лицо, с легкой щетиной и заинтересованным взглядом. Программист? Модель? Богатый наследник, ищущий острых ощущений в «плохих» районах? Не важно.

Наша взгляды встретились. Он открыто улыбнулся, я ответила ему своей самой бесшабашной, вызывающей ухмылкой и подняла бокал в его сторону.

Все произошло быстро и просто, как и всегда в такие ночи. Он подошел и представился — Марко, сказал, что дизайнер, из Милана, в Нью-Йорке по работе. Я солгала, что я Кейт, управляющая клубом. Поговорили ни о чем под грохот музыки, выпили еще, его прикоснове-

ния к моей руке были легкими, не претендующими. В этом было что-то освежающее после вечных игр в кошки-мышки, силы и подчинения, которые окружали меня в обычной жизни.

Алкоголь лился рекой, я уже плохо соображала, но инстинкт самосохранения, тот самый, что спас меня когда-то там, был начеку. Я знала, что делаю, я искала именно этого, чего-то простого, без обязательств, телесного отвлечения. Чтобы на несколько часов перестать быть Карлой Орсино с ее шрамами, долгом и ненавистью.

— У тебя есть где-нибудь... тише? — прокричал он мне на ухо, его дыхание пахло мятой и алкоголем.

Я покачала головой, указывая пальцем на него. Пусть ведет, мне было все равно.

Его квартира оказалась в приличном районе Бруклина, недалеко от мостов. Стильная, минималистичная, с видом на город. Стекло, бетон, пара дорогих дизайнерских кресел, безделушки путешественника, совсем не похоже на наши дома, забитые историей и тяжелой роскошью.

Мы почти не разговаривали. Как только дверь закрылась, он притянул меня к себе и поцеловал. Поцелуй был жадным, опытным, но без той хищной агрессии, к которой я привыкла, я ответила с той же яростью, впиваясь пальцами в его волосы, желая раствориться в этом моменте, в простой животной близости.

Он повел меня в спальню. Полутьма, только свет города за окном. Одежда падала на пол. Его рубашка, его брюки, мои брюки. Но когда его пальцы потянулись к краю моей футболки, я поймала его запястье.

— Не надо, — прошептала я, прижимаясь к нему, целуя его шею. — Оставь так.

Он на секунду замер, удивленный. Потом, видимо, списав это на мою странность или скромность (смешно), кивнул. Футболка осталась на мне, просторная, скрывающая спину, бока, живот. Она стала моим последним барьером, моим саваном поверх истории, которую я не хотела показывать чужаку.

Секс был... интенсивным. Я почти агрессивно пыталась выжать из каждого мгновения максимум ощущений, чтобы они вытеснили все остальное. Тело работало на автомате, отвечая на ласки, но разум был где-то далеко. Он плыл в алкогольной мути, цепляясь за физические чувства: тепло его кожи, запах его парфюма, ритм движений, но настоящего погружения, того самого забвения, не наступало.

Даже в самые жаркие моменты, когда он был надо мной, его руки скользили по моей спине поверх ткани, я чувствовала под ней жесткие, неровные рубцы, они будто горели, напоминая о себе.

И в этом была ирония. Я, Карла Орсино, которую все боялись, которая могла хладнокровно выстрелить в наследника вражеской семьи, боялась показать шрамы случайному парню из Милана. Не из-за стыда. Нет. Я не стыдилась их. Они были частью меня, моим знаком отличия, моей броней из плоти. Но объяснять... объяснять, откуда они, что они значат, погружать

этого постороннего, чистого человека в тот мир грязи, боли и страха... это было невозможно и ненужно.

После он уснул почти сразу, дыша ровно и глубоко. Я лежала рядом, глядя в потолок, ощущая, как алкогольное опьянение медленно сменяется тяжелой, свинцовой усталостью и пустотой. Тело было удовлетворено, но душа... душа была такой же голой и холодной, как и до этого всего.

Я осторожно выбралась из-под его руки, нашла свою одежду в темноте и быстро надела брюки. Футболка так и осталась на мне. Я вышла в гостиную, к огромному окну. Ночь. Город. Где-то там шла своя жизнь: войны семей, интриги, планы мести. А здесь, в этой стерильной квартире, пахло сексом и одиночеством.

Я прижала лоб к холодному стеклу. Так происходило часто, последние семь лет. Попытки забыться в адреналине, в алкоголе, в чужих руках. И всегда один итог. Пустота, барьер из ткани между мной и миром и осознание, что шрамы у меня не только на коже, но и внутри. И ни один мимолетный партнер, ни одна бутылка не могут их заполнить.

Я достала телефон, было уже за четыре утра. Никаких сообщений от отца или Риккардо, слава богу. Только одно сообщение от Луки, отправленное час назад: «Дома?», я не ответила.

Я посмотрела на спящего Марко в дверном проеме спальни. Красивый, временный побег. Я повернулась и тихо выскользнула из квартиры, не оставив ничего, кроме смятой простыни и, возможно, легкого недоумения в его памяти.

На улице был холодный предраассветный воздух. Я вызвала такси, села на заднее сиденье и, наконец, закрыла глаза. В голове, как назойливая мелодия, крутились слова Луки: «Он будет думать, как прикончить тебя».

Пусть думает, у меня свои демоны и иногда, в ночи вроде этой, кажется, что они куда страшнее, чем любой Ронан Моррисси со всей его холодной яростью, потому что от него можно защититься пулей. А от собственного прошлого... только футболкой из плотной ткани и вечной, изматывающей гонкой за забвением, которое никогда не наступает.

Сознание вернулось не сразу. Оно приползло, как тяжелый, липкий туман, застрявший где-то между басовыми ударами вчерашней музыки и знакомым, тошнотворным ощущением падения.

Сначала я услышала глухой, нарастающий гул, будто кто-то бил в огромный барабан прямо у меня в висках. Потом запах. Застоявшийся воздух, пропитанный алкогольным перегаром, сладковатый аромат вчерашних духов, смешавшийся с кисловатым потом и... пылью. Пылью и потом. Так пахло там, в подвале.

Мое тело сжалось в комок еще до того, как я открыла глаза, спазм прошел от копчика до затылка, заставив все мышцы болезненно напрячься. Я лежала лицом уткнувшись во что-то мягкое и немного шершавое. Бархат. Диван в моем кабинете.

Я не сразу открыла глаз, я ждала, пока внутренний мир, только что разорванный на куски, снова соберется воедино. Картинки еще плыли перед закрытыми веками: не свет ламп в «Серенити», а тусклый, желтый свет одинокой лампочки, подвешенной к балке. Не бархат под щекой, а холодный, сырой цементный пол, впивающийся в голую кожу. И тени. Всегда тени. И голоса,

бормочущие на ломаном английском и испанском, смешанные со смехом, который был страшнее криков.

Я никогда не кричала, просыпаясь. Раньше я просыпалась с языком, прикушенным до крови, или с разбитой от собственных же локтей губой. Потом я научилась просыпаться без сильных повреждений, научилась сдерживать этот дикий, животный порыв страха, сжимая челюсти так, что наутро болели все зубы, и впиваясь пальцами в матрас, или, как сейчас, в ткань дивана.

Постепенно, медленно, я заставила себя расслабить челюсти, разжать пальцы, сделать первый поверхностный вдох. Воздух в кабинете был спертым, но он был настоящим, только тогда я открыла глаза.

Передо мной был темно-бордовый бархат дивана, с узором, который я знала наизусть. Свет пробивался из-за закрытых, но не плотных штор на том самом панорамном окне. Было утро, серая, бесцветная субботняя зоря окрашивала комнату в тусклые тона.

Головная боль обрушилась на меня следующей волной. Как будто тяжелый, раскаленный шар из свинца, врос мне в череп. Каждый удар сердца отдавался в висках оглушительным, болезненным гулом, заставляя морщиться. Сухость во рту была такой, словно я наелась песка. А желудок... желудок был пустым и подергивающимся, предвестником возможной тошноты.

Я осторожно, с невероятным усилием, перевернулась на спину. Потолок с лепниной поплыл перед глазами. Я закрыла их снова, позволяя реальности зацепиться за физические ощущения. Неприятные, но свои. Грязная, помятая футболка, прилипла к телу, кожа од ней была влажной от холодного пота.

Постепенно, очень постепенно, кошмар отступил, он не исчез, он никогда не исчезал полностью, он просто уполз обратно в ту темную кладовку сознания, откуда выползал по ночам, оставив после себя лишь выжженную землю, головную боль и это гнетущее, знакомое чувство пустоты.

Я подняла руку, провела пальцами по влажному лбу, отодвигая слипшиеся черные волосы. Движение вызвало новый приступ пульсации в висках. Черт побери. Сколько я вчера выпила? Граппа с Вай и Лукой. Потом негрони. Потом шоты... текила. Да, была текила. И еще что-то. И этот Марко... Милан. Дизайнер. Его квартира с видом. Холодное стекло подо лбом.

Обрывки памяти всплывали, нестройные, бессвязные. Его руки. Его поцелуй. Футболка, оставшаяся на мне. Моя настойчивость. Мое бегство на рассвете. Такси. И вот я здесь, на своем диване, с разбитой головой и душой, вывернутой наизнанку очередным ночным визитом в прошлое.

Я попыталась сесть, мир акренился, и я на секунду замерла, упираясь ладонями в диван, пока волна тошноты и головокружения не отступила. Вставать было еще рано, я откинулась на спинку, уставившись в серый потолок.

Раньше, в первые годы после возвращения, такие утра были невыносимы. Я лежала и смотрела в одну точку часами, не в силах пошевелиться, задаваясь одним и тем же вопро-

сом: «Зачем? Зачем я выжила?». Сейчас... сейчас было просто тяжело физически и морально. Пустота стала привычным состоянием, с которым нужно было просто существовать.

Я потянулась к низкому столику, нащупала пачку сигарет и зажигалку. Движения были автоматическими, отработанными. Сигарета в зубах, щелчок зажигалки, первая, долгая, горькая затяжка. Едкий и знакомый дым, заполнил легкие, и на секунду перебил тошноту, это было маленькое, ничтожное облегчение, но я цеплялась за него.

Сигарета дрожала в моих пальцах. Я посмотрела на эту дрожь с холодным любопытством, мои руки могли не дрогнуть, когда я целилась в Ронана Моррисси, они могли хладнокровно перезаряжать пистолет, держать нож, подписывать бумаги, но по утрам, после этих проклятых снов, они предательски тряслись.

Я докурила сигарету до фильтра, затушила ее в переполненной пепельнице вчерашнего вечера. Пора было приводить себя в порядок. Мир не ждал, семья не ждала, отец, наверное, уже звонил, чтобы устроить очередной разбор полетов, Риккардо ждал повода для новой лекции, а где-то там, на своем стеклянном олимпе, Ронан Моррисси строил планы мести за ту пулю.

Мысль о нем почему-то заставила меня нахмуриться сквозь боль, это была конкретная, осязаемая злость, чувство, которое не было пустым. Оно было направленным. Почти живительным после ночного кошмара, он был врагом. Его холодность, его контроль, все это вызывало во мне дикое, иррациональное желание ломать, разрушать, провоцировать. Может, потому что он казался полной противоположностью того хаоса, той потери контроля, которую я пережила и которая до сих пор приходила ко мне по ночам.

С еще одним усилием я поднялась на ноги, мир снова качнулся, но я устояла, опершись о спинку дивана. Нужен был очень холодный душ, чтобы смыть с себя липкий пот, запах вчерашнего и остатки сна, чтобы вернуть телу хоть какую-то иллюзию чистоты.

Я побрела к маленькой душевой, что была в смежной комнате с кабинетом для таких вот ночей. По пути я мельком взглянула на свое отражение в темном стекле окна, смутный силуэт: растрепанные волосы, бледное лицо с темными кругами под глазами, помятая футболка. «Надломленная Карла» в своем самом натуральном виде.

Я вошла в душевую, не включая свет, и, не глядя в зеркало, стянула с себя футболку. Воздух коснулся влажной кожи спины, и я почувствовала, как по телу пробежали мурашки. Сеть грубых, белых и багровых шрамов, карта страданий, я почти не смотрела на них уже много лет. Не специально, просто в этом не было необходимости, они были частью меня, как кости или кровь.

Я включила воду. Сначала теплую, потом все холоднее, пока струи не стали ледяными, я встала под них, зажмурившись, позволяя холодной воде бить по голове, плечам, спине. Боль от холода была резкой, чистой, почти приятной на фоне тупой, похмельной боли. Она заставляла тело проснуться, отвлекала, возвращала в настоящее.

Стоя под ледяным душем, я думала о том, что сегодня будет. Нужно будет встретиться с отцом, обсудить последствия выстрела в Моррисси, выслушать его ворчание, возможно, Риккардо опять начнет свой спич о безрассудстве. А потом... потом вернуться к делам. К управлению клубом, слежке за Ченами, к вечной, холодной войне с Моррисси.

Обычный день с обычной маской сарказма, дерзости и показного бесстрашия на лице, под которой будет скрываться только что пережитый кошмар, головная боль и вечная, никуда не уходящая пустота.

Я выключила воду, завернулась в жесткое, белое полотенце. Холод сделал свое дело, голова прояснилась, тело перестало дрожать. Холодный душ привел мысли в относительный порядок, но головная боль осталась, как тупой, давящий фон, на котором все воспринималось чуть медленнее, чуть дальше.

Я натянула чистые джинсы и черный топик без рукавов с глубоким вырезом, который, по крайней мере, не касался шрамов. В маленьком сейфе в кабинете нашлась запасная пара армейских ботинок и кожаная куртка. Я не стала наносить макияж.

Спускаясь по служебной лестнице в тишину пустого, вымершего после ночи клуба, я наткнулась на одного из ночных охранников, Нико. Он дремал на стуле у черного хода, но вскочил, увидев меня.

— Синьорина Карла. Все спокойно.

— Отлично, Нико. Подбросишь до особняка? Голову колотит, за руль не сяду.

Он кивнул, без лишних слов доставая ключи. Он был одним из старых, помнил меня еще подростком. В его взгляде не было страха, только привычная преданность и легкая озабоченность. Он, наверное, видел, в каком состоянии я иногда уезжала или приезжала, но никогда не комментировал.

Дорога в особняк прошла в тишине. Я прислонилась головой к холодному стеклу, пытаюсь унять пульсацию в висках. Город в субботнее утро был сонным, безразличным, я почти задремала, когда машина свернула за знакомые чугунные ворота.

Что-то было не так, я почувствовала это еще до того, как вышла из машины. Обычно в это время у особняка царила ленивая, почти деревенская атмосфера: садовник что-то подрезал, кто-то выносил мусор, из открытых окон кухни доносились запахи кофе и жареного бекона. Сейчас же у ворот стояли двое наших солдат, не просто дежурных, а напряженных, с оружием на виду. Их взгляды были острыми, сканирующими улицу, когда я вышла, они кивнули мне, но их лица были каменными.

Тревога, тупая и неприятная, зашевелилась под грудной клеткой, поверх похмельной тошноты. Что-то случилось что-то серьезное.

Я вошла в холл, здесь тоже висело напряжение, густое, как смог, Мэтью, старый дворецкий, обычно невозмутимый, встретил меня не у двери, а в глубине зала, и его лицо было бледным.

— Синьорина Карла. Ваш отец и синьор Риккардо ждут вас в кабинете. Они... очень ждут.

Он сделал ударение на слове «очень». В его голосе звучало нечто, граничащее с паникой. Мой алкогольно-похмельный мозг с трудом обрабатывал информацию. Ждут? Конечно

ждут. После выстрела в Моррисси я почти не появлялась дома, отлеживаясь в клубе. Наверное, решили устроить очередной семейный совет с криками и обвинениями.

— Спасибо, Мэтью, — буркнула я, скидывая куртку ему в руки. — Принеси мне крепчайшего кофе и таблетку от головы. Любую.

Я направилась к кабинету отца, все еще пытаюсь прогнать туман. Может, Лиам Мррисси предъявил ультиматум? Или Чены что-то учудили? В любом случае, мне было не до сцен. Мне хотелось только темноты, тишины и, желательно, еще часов шесть сна.

Я толкнула дверь кабинета без стука и попала в эпицентр урагана.

Отец стоял за своим массивным столом, опершись на него ладонями, его лицо было багровым, жилы на шее надулись. Риккардо метался по комнате, как тигр в клетке, его обычно безупречный вид был нарушен, волосы всклокочены, галстук развязан. Оба они обернулись ко мне, и их взгляды... их взгляды были полны не просто гнева, в них была ярость, граничащая с ненавистью и животный страх.

Я замерла на пороге, моргая. Головная боль ударила с новой силой от этого визуального шума.

— Ну, доброе утро, — хрипло произнесла я. — Кто умер?

— ТЫ СОВСЕМ ОХУЕЛА?! — ревнул Винченцо, и его голос, обычно такой громкий и властный, сейчас сорвался на визгливый, истеричный крик. Он схватил со стола тяжелую стеклянную пепельницу и швырнул ее в мою сторону, я инстинктивно отпрыгнула, и пепельница с грохотом разбилась о дверной косяк, осыпая осколками пол. — ТЫ ЧТО, БЛЯДЬ, НАДЕЛАЛА?!

Я отшатнулась, ошеломленная, это был не обычный гнев, это была паника.

— О чем ты? — спросила я, и мой собственный голос прозвучал глухо, отстраненно, мозг отказывался складывать картину.

— Не прикидывайся идиоткой! — налетел на меня Риккардо, подойдя так близко, что я почувствовала запах его дорогого одеколona, смешанный с потом, его глаза были дикими. — Склад Моррисси! В порту! Ночью! Двое убитых! Погром! И эта... эта твоя дурацкая, ебаная подпись! «С любовью»! Что с тобой, Карла? У ТЕБЯ СОВСЕМ КРЫША ПОЕХАЛА?!

Слова долетали до меня, как через вату. «Склад Моррисси». «Двое убитых». «Подпись». Что? Я ничего не понимала. Я провела ночь с каким-то Марко, потом на диване в клубе, потом под холодным душем... Какое еще нападение?

— Я... я не... — я попыталась собраться, но голова раскалывалась, и их крики только усугубляли все. — О какой подписи? Я ничего не знаю о каком-то складе.

— ВРИ ЕЩЕ! — заорал отец, ударив кулаком по столу, звук был оглушительным. — ВСЕ УЛИКИ УКАЗЫВАЮТ НА ТЕБЯ! Чистая работа, выстрелы в голову! Это твой почерк! И эта надпись! КРАСНОЙ КРАСКОЙ! На итальянском! «Con affetto, Carla O.»! Кто еще, блять, мог так подписаться? Кто еще такой же ебанутый театральный идиот в этой семье?!

«Con affetto, Carla O.»

Эти слова, произнесенные его перекошенным от ярости ртом, наконец долетели. Они повисли в воздухе, холодные и нелепые. Кто-то напал на склад Моррисси, убил двух человек и оставил... мою подпись. Мою дурацкую, идиотскую, показную фразу, которую я иногда использовала в совершенно других контекстах как издевку.

Кто-то меня подставил. Мысль пронзила алкогольный туман, острая и ясная. Все выглядело так, будто это я.

— Это не я, — сказала я тихо, но твердо, глядя сначала на отца, потом на брата. — Я не была на их складе, я не убивала их людей. Я... я была в клубе. Потом... ушла. У меня есть алиби.

— Алиби?! — захохотал Риккардо, но смех его был горьким, истеричным. — С кем? С каким-то случайным мудаком, которого ты подцепила в баре? Который даже не знает твоего настоящего имени? И который, наверное, уже свалил из города? Это твое алиби, Карла? Seriously?!

Его слова били точно в цель. У меня не было алиби. Было только смутное воспоминание о парне из Милана, который наверняка уже летел домой, и который знал меня как Кейт. И ночь, проведенная в одиночестве на диване в пустом клубе.

— Кто-то меня подставляет, — повторила я, чувствуя, как холодный пот выступает на спине поверх похмельной испарины. — Чены. Это должны быть Чены. Они хотят стравить нас с Моррисси окончательно.

— ЧЕНЫ?! — отец закатил глаза с таким видом, будто я предложила, что это сделали марсиане. — И они, что, знают твою любимую дурацкую фразу? Знают, как ты любишь красную краску? Знают твой почерк? Это была работа изнутри, Карла! Кто-то из наших продался! Или... или это действительно была ты! В очередном своем ебанутом припадке, решив, что одной пули Моррисси мало! Решив добить их, пока они не опомнились!

Его версия была безумной, но в его глазах я видела, что он в нее поверил. Он смотрел на меня не как на дочь, а как на стихийное бедствие, на неуправляемую силу, которая в любой момент может уничтожить все, что он строил.

— Папа, подумай, — я сделала шаг вперед, игнорируя головокружение. — Зачем мне это? Зачем мне усугублять ситуацию? Я же не идиотка! Я знаю, что сейчас любая провокация на руку Ченам!

— А ты себя обычно ведешь как последняя идиотка! — крикнул Риккардо. — Выстрел в Ронана — это что, по-твоему, было проявлением высшего интеллекта?! Это была истерика! И это... это продолжение той же истерики! Ты не могла остановиться! Тебе мало было просто выстрелить, ты решила устроить им цирк! Чтобы все окончательно поняли, что Карла Орсино — психованная сука, с которой нельзя иметь дела!

Его слова жгли, потому что в них была доля правды, именно так многие и могли подумать, что это я, что мое «безумие» вышло на новый уровень. Да я сама бы подумала также на их месте.

— Я не делала этого, — повторила я снова. Головная боль отступила на второй план перед лицом этой несправедливой атаки. — Кто-то очень умный и очень подлый хочет, чтобы мы именно так и подумали и, судя по всему, у него получилось.

Я посмотрела на отца, его гнев немного схлынул, сменившись тяжелой, изможденной тревогой. Он верил мне? Думаю, не до конца, но зерно сомнения было посеяно.

— Лиам Моррисси звонил, — сказал он глухо, опускаясь в кресло. — Он... вежливый, как всегда. Сказал, что понимает, что это могла быть «личная инициатива», не санкционированная семьей. Намекнул, что если мы не можем контролировать своих, то им придется взять эту задачу на себя. Публично. Или потребовать такой компенсации, что мы будем десятилетиями отдавать долги.

Он закрыл лицо руками.

— Война, Карла. Они теперь имеют полное моральное право начать открытую войну. И все из-за... из-за чего? Из-за твоего характера? Или из-за какой-то подставы, в которую мы все поверили, как последние лохи?

В его голосе звучала беспомощность. Это было хуже крика, Риккардо замер у окна, стиснув кулаки, но уже не рычал. Он смотрел на меня, и в его взгляде была не только злость, но и мучительная попытка понять.

Тишина, наступившая после слов отца, была гуще криков. Она была пропитана отчаянием и предчувствием катастрофы. Я стояла посреди кабинета, чувствуя, как пол уходит из-под ног не из-за похмелья, а из-то того, что на нас свалилось.

Они смотрели на меня, отец с лицом человека, проигравшего все, Риккардо с напряженным, измученным недоверием. И в этот момент я поняла, что паника, крики и взаимные обвинения — это топливо для того, кто это задумал. Ченов. Это должны были быть они. Кто еще? Моррисси? Нет, они бы так не стали. Они бы ответили прямо, жестоко, но не подло. Это был почерк змеи, которая действует из тени, срамливая других.

Я сделала глубокий вдох, заставляя голос звучать ровно, спокойно, вопреки бешеному стуку сердца и остаткам боли в висках.

— Перестаньте, — сказала я, и слово прозвучало не как просьба, а как команда. — Просто перестаньте паниковать. Вы играете на руку тому, кто это сделал.

Отец поднял на меня взгляд из-за ладоней. Риккардо нахмурился.

— Мы играем? — скептически бросил брат. — На нас вот-вот обрушится вся мощь Моррисси, а мы «играем»?

— Вы верите в ту версию, которую нам подсунули, — ответила я, делая шаг к столу. — Версию о том, что я — неуправляемая истеричка, которая пошла и устроила резню, этого от нас и ждут. Чтобы мы начали метаться, обвинять друг друга, чтобы Винченцо Орсино победил извиняться перед Лиамом, предлагая еще большие уступки, чтобы наша семья треснула изнутри от недоверия.

Я уперлась ладонями в край стола, глядя на отца.

— Я не делала этого, папа. Честно. У меня нет причин тебе лгать сейчас. Если бы это была я, я бы нашла способ это скрыть или, наоборот, взяла бы на себя ответственность с гордостью, но мне нечего скрывать, потому что я там не была.

Он смотрел на меня, и в его глазах медленно, с огромным трудом, пробивалось рациональное мышление, прорываясь сквозь завесу ярости и страха.

— Но... подпиши, Карла. Твоя фраза.

— Кто-то знает о ней. Кто-то внимательно следил. Идеальная деталь, чтобы все выглядело убедительно. — Я перевела взгляд на Риккардо. — Подумай. Кому выгодно стравить нас с Моррисси сейчас, когда между ними и так натянутые отношения после выстрела? Кто только что получил болезненный тычок в бок благодаря той самой флешке, которую мы с Ронаном пытались перехватить?

— Чены, — пробормотал Риккардо. — Старый хрыч Чен. Он хочет, чтобы мы сцепились насмерть, пока он подбирает наши обломки.

— Именно, — кивнула я. — Слухи уже идут, что Моррисси использовали данные с флешки и ударили по финансам Ченов. Им нужно отвлечь Моррисси, перевести их гнев на нас, а заодно и нас ослабить. Идеальный план. И он сработал. — Я указала пальцем на разбитую пепельницу. — Вот доказательство.

Отец медленно выпрямился в кресле.

— Допустим, ты права. Допустим, это Чены. Но Моррисси в это не поверят. У них на стене красуется твое имя, они будут требовать крови или компенсации, которая разорит нас.

— Значит, нужно им доказать, что это не я, — сказала я просто.

— И как ты это сделаешь? — спросил Риккардо. — Поедешь и покажешь им свои алиби? Твоего парня на ночь, которого уже и след простыл?

— Нет, — я покачала головой. — Я пойду и поговорю с Ронаном Моррисси, объясню ему ситуацию. С глазу на глаз.

Эффект был, как от разорвавшейся гранаты.

— ТЫ СОВСЕМ ОХУЕЛА?! — заорал Риккардо, снова взрываясь. — Прийти к нему? После того как ты ему в плечо выстрелила? После того как они уверены, что ты устроила погром на их складе?! Это самоубийство! Он тебя просто пристрелит на месте, без разговоров!

— Он не пристрелит, — парировала я, хотя внутри все сжалось от холодной дрожи, я сама не была в этом уверена, но альтернатива была хуже. — Он прагматик. Если я приду к нему одна, без оружия, в его логово... это будет жест, который не станет делать виновный. Виновный бы прятался, а я приду и скажу ему в лицо: это не я.

— И он, конечно, поверит на слово! — саркастически фыркнул отец.

— Он не поверит на слово, но он выслушает и, возможно, задумается. Он умный и тоже понимает, что Чены — общий враг. А сейчас они получили от них удар и хотят ответа. Мы можем предложить им... другую цель.

Я видела, как в глазах отца мелькает мысль. Идея была безумной и опасной, но в этой безумности была своя железная логика.

— Он может просто использовать твой визит, чтобы взять тебя в заложники. Шантажировать нас, — сказал он тихо.

— Тогда вы меня не выкупаете, — пожала я плечами, делая вид, что это меня не беспокоит. На самом деле, мысль о том, чтобы снова оказаться в плену, пусть и у Моррисси, вызвала у меня почти физическую тошноту, но показывать этого нельзя. — Если он это сделает, это докажет, что он недалёковидный идиот, думающий только о сиюминутной мести, а он не идиот. И я думаю, он предпочтет узнать правду и использовать ситуацию с выгодой для себя.

Риккардо зашагал по комнате, сжимая и разжимая кулаки.

— Это безумие, Карла. Ты предлагаешь пойти в пасть к волку и надеяться, что он не голоден.

— Нет, — поправила я его. — Я предлагаю пойти к умному хищнику и предложить ему вместе поохотиться на более жирную добычу. Потому что сидеть здесь и ждать, пока они поверят в эту подставу и обрушатся на нас, вот это и есть настоящее самоубийство. Попытаться исправить ситуацию — это единственная логика, которая у нас осталась.

Я посмотрела на отца. Он молчал, обдумывая. Его взгляд скользнул по моему лицу, по моей позе, по решимости, которую я старалась изображать всем своим существом.

— Куда ты пойдешь? — наконец спросил он.

— В «Стекло». Его главный клуб, его территория, при всех, так безопаснее.

— Я поеду с тобой, — резко сказал Риккардо.

— Нет. Один на один. Или он откажется от встречи, или сочтет это ловушкой. Я должна быть одна. Это доказывает, что мне нечего скрывать.

— Ты не можешь быть одна! Ты... — Риккардо запнулся, не решаясь сказать «слабая» или «уязвимая».

— Я могу постоять за себя, — сухо отрезала я. — И сегодня я буду стоять за себя словами. Впервые за долгое время.

Это была правда, обычно я действовала пулями, ножами, провокациями, но сейчас требовался другой инструмент. Холодный расчет и, возможно, доля отчаянной искренности.

Они смотрели на меня, и в их глазах шла война. Война между семейным инстинктом, запереть меня здесь, никуда не выпускать, спрятать от грозящей бури и холодной, неприятной логикой моего плана. Даже Риккардо, всегда такой прагматичный, казалось, метался между желанием закричать «нет!» и осознанием, что других разумных вариантов у нас просто нет. Ждать — значит обрекать себя на атаку Моррисси, которая сейчас будет беспощадной и законной в их глазах.

— Он выстрелит тебе в голову, как только ты переступишь порог, — прошипел Риккардо, но в его голосе уже не было прежней уверенности.

Я покачала головой, скрестив руки на груди. Каждый мускул в теле просил просто лечь и закрыть глаза, но адреналин и осознание опасности держали меня на ногах лучше любого кофе.

— Не выстрелит. Ронан Моррисси не психопат с подворотни, как я. Он не из тех, кто будет расстреливать безоружную женщину, которая пришла к нему на переговоры на его же территорию, при свидетелях. Это было бы... мелко, а он ненавидит все мелкое, он любит порядок, контроль и прагматизм. Убийство меня сейчас не решит его проблем с Ченами. А разговор, возможно, да.

Отец тяжело вздохнул, потирая переносицу, он выглядел измотанным до предела.

— Допустим, он тебя выслушает. Что ты ему предложишь? «Давайте дружить против Ченов»? После выстрела в плечо и нападения на склад?

— Я предложу ему факты, — сказала я твердо, хотя внутри все переворачивалось. Фактов, по сути, не было, только мои догадки, но их нужно было подать так, чтобы они звучали как единственно возможная истина. — Предложу ему подумать, кому это выгодно. Предложу...

временное перемирие. Чтобы выяснить, кто стоит за этим, если он согласится помочь найти настоящих виновных, это будет в его интересах. Он получит моральное право раздавить Ченов, а заодно и нас ослабит, заставив быть у него в долгу. Это та сделка, которую он поймет.

— Ты играешь в очень опасную игру, дочь, — прошептал Винченцо. Его глаза смотрели на меня с такой мукой, что я отвернулась, я не могла позволить себе сейчас мягкость. — С Моррисси нельзя договариваться с позиции слабости.

— А с позиции обвиняемой в убийстве их людей тем более, — закончила я за него. — Поэтому я и иду, чтобы сменить эту позицию, на позицию... союзника по несчастью. Дайте мне несколько часов. Если к вечеру вы не получите от меня сигнал... действуйте, как считаете нужным, но не нападайте первыми. Это именно то, чего ждут.

Риккардо хотел что-то сказать, но отец поднял руку, останавливая его. Он долго смотрел на меня, и в его взгляде было что-то новое. Признание того, что иногда только безумный, отчаянный шаг может спасти от еще большего безумия.

— Хорошо, — сказал он наконец, и слово прозвучало сдавленно. — Несколько часов. Но с условием: Лука будет ждать тебя в машине в двух кварталах от «Стекла». С оружием и людьми. Если что-то пойдет не так...

— Если что-то пойдет не так, Луке не поможет целая армия, папа, — мягко перебила я его. — Но ладно. Пусть ждет, только чтобы не лез, пока я не дам сигнал.

— Дай мне хоть это, Карла. Ради моего спокойствия.

Я кивнула. Спорить не было смысла. Да и мысль о том, что Лука будет где-то рядом, была слабым, но все же утешением.

— Мне нужно переодеться, — сказала я, уже поворачиваясь к двери. — И привести себя в человеческий вид.

Я вышла из кабинета, оставив их в клубящейся атмосфере тревоги и безысходности. Поднимаясь по лестнице в свою комнату, я чувствовала, как дрожь, сдерживаемая в их присутствии, начинает пробиваться наружу. От колоссального напряжения, похмелья и осознания полного, абсолютного одиночества в том, что я затевала.

Моя комната в особняке была такой же театральной, как и все здесь: большое помещение с высоким потолком, темная мебель, стены, завешанные странными картинами и постеры, трофеями из прошлых «деловых поездок». Здесь царил творческий, но контролируемый хаос. Сейчас он казался чужим.

Я подошла к шкафу. Одежда должна была посылать сигнал, не вызывающий, как мой желтый дождевик. Не провокационный. Скорее... нейтральный. Деловой, но не фрмальный и достаточно закрытый, чтобы чувствовать себя в безопасности.

Я выбрала черные, узкие джинсы из плотной ткани, которые не стесняли движений. Простую черную водолазку из тонкого кашемира с высоким воротником — она полностью скрывала шею и, если что, могла скрыть легкий тремор рук, армейские ботинки на шнуровке. На все это я накинула свой длинный, до колен, плащ из тонкой шерсти ярко-алого цвета. Цвет вызова, но в более элегантной, менее кричащей форме, чем моя обычная одежда. Он скрывал очертания тела, добавлял театральности, но в то же время был практичен. И, наконец, боль-

шие, темные солнцезащитные очки с зеркальными линзами. Они скроют мои глаза, красные от недосыпа и, возможно, слез ярости, скроют остатки похмелья в взгляде.

Я подошла к своему письменному столу, открыла потайной ящик. Там лежало оружие: пара запасных обойм к Glock, маленький, но смертоносный нож-бабочка, который я обожала за скорость раскрытия, и электрошокер, замаскированный под помаду. Я смотрела на этот арсенал несколько секунд, обдумывая. Идти с оружием? Это будет знак недоверия и слабости, он наверняка обыщет меня, а без оружия... это будет жест.

Я медленно закрыла ящик, оставив все внутри. Только нож-бабочку я засунула в маленький внутренний карман плаща, у самого шва. На всякий случай. Не как оружие нападения, как последний шанс на защиту, если все пойдет совсем по худшему сценарию.

Я подошла к зеркалу. В отражении смотрела на меня женщина в алом плаще и темных очках, похожая на героиню какого-нибудь нуарного триллера. Бледное лицо, плотно сжатые губы. Я сделала глубокий вдох, пытаюсь унять дрожь в руках. «Ты можешь. Ты должна».

Спускаясь вниз, я встретила Луку в холле. Он ждал, опершись о стену, его лицо было мрачным, как туча.

— Я слышал, — сказал он без предисловий. — Это идиотизм, Карла. Чистейшей воды.

— Знаю, — ответила я, проходя мимо него к выходу. — Поэтому ты поедешь со мной и будешь ждать. Как телохранитель для трупа, который еще не умер.

Он тяжело вздохнул, но пошел следом.

— Какой сигнал?

— Если через два часа после моего входа в «Стекло» я не выйду и не позвоню... считай, что «Стекло» нужно тушить. Но только после двух часов, Лука. Ровно. Не раньше.

Он кивнул, его челюсти напряглись. Он ненавидел это, ненавидел беспомощность, но он был солдатом и выполнял приказы.

Машина, неприметный черный седан, уже ждала у подъезда. За рулем один из наших, Пьетро, молчаливый и надежный. Я села на заднее сиденье. Лука сел рядом со мной, положив на колено пистолет в кобуре.

— В «Стекло», — сказала я. — Но остановись за два квартала, у кафе «Бистро». Лука, ты там останешься.

Пьетро кивнул, и мы тронулись.

Дорога из Бруклина в Позолоченные кварталы Манхэттена всегда была путешествием в другой мир. Сначала привычные, немного обшарпанные улицы с вывесками на итальянском, запахом выпечки и громкими разговорами на тротуарах. Потом мост, с его металлическими конструкциями и видом на реку, которая разделяла два царства. И наконец Манхэттен. Здесь улицы были чище, уже, небоскребы выше, а люди на тротуарах двигались быстрее и с более отрешенными лицами.

Я смотрела в окно, но не видела города. В голове прокручивался предстоящий разговор. Что сказать? Как начать? «Привет, помнишь, как я тебе в плечо стреляла? А теперь давай дружить»? Черт, это звучало как бред даже у меня в голове.

Мысли метались, вспоминался его взгляд в Бездне — сначала пустой, затем полный ярости после выстрела. Вспоминались слухи о его холодной расчетливости. Его репутация человека слова, но с ледяным сердцем. Сможет ли он отбросить личную ненависть, чтобы увидеть общую выгоду? Или его ненависть ко мне, к Орсино, перевесит?

Была и другая мысль, темная и тревожная. А если это и правда не Чены? Если это какая-то третья сила? Или... страшнее... если это кто-то из наших? Кто-то, кто хочет свалить все на меня, чтобы убрать с дороги? Возможно, кто-то из капо. Но тогда я лезу прямо в пасть не только к Моррисси, но и к предателю в своих рядах.

Машина замедлилась, притормаживая у тротуара в элегантном, но не пафосном районе. Мы были в двух кварталах от «Стекла». Я видела вдалеке его фасад — темное стекло, бронзовые детали, вывеска с лаконичным названием, горящая холодным белым светом даже днем. Элитный клуб, где решались судьбы, а не просто напивались.

— Здесь, — сказала я Пьетро. Я повернулась к Луке. Его карие глаза смотрели на меня с такой интенсивной тревогой, что мне захотелось его обнять. Но я только положила руку ему на плечо.

— Два часа, Лука. Не меньше.

— Если тебя там задержат дольше... — начал он.

— Значит, веду переговоры. Не паникуй раньше времени. И... спасибо.

Я вышла из машины, холодный субботний воздух Манхэттена ударил в лицо, заставив вздрогнуть. Я запахнула плащ плотнее, поправила очки и направилась к «Стеклу» ровной, уверенной походкой, которую отрабатывала годами, которая не должна выдавать ни страха, ни похмелья, ни сомнений.

Каждый шаг по безупречному тротуару отдавался в висках. Головная боль притихла, но не исчезла, затаившись где-то на задворках сознания, готовная вернуться в любой момент. Я прошла первый квартал, затем второй. «Стекло» выросло передо мной, безмолвное и внушительное. Днем оно выглядело закрытым, но я знала, что внутри всегда кто-то есть. Особенно сегодня, после вчерашнего нападения на их склад.

Я остановилась перед тяжелой дверью из темного стекла. Мое отражение в нем было размытым, алый силуэт с темным лицом. Я сделала последний, глубокий вдох, выдохнула, стараясь выпустить из себя всю дрожь, все сомнения.

Либо я сейчас совершаю самый гениальный шаг в своей жизни. Либо самый последний. Я потянула на себя массивную ручку. Дверь поддалась беззвучно, впуская меня в другой мир.

ГЛАВА 5. РОНАН

Холодный гнев, разожженный на складе, не утихал, он кристаллизовался внутри, превратившись в острый, тяжелый ком, который сидел где-то под ребрами и мешал дышать полной грудью. Я отправился не в пентхаус, я поехал в «Стекло», в свое истинное логово. Здесь, в кабинете на верхнем этаже, за тяжелой дверью из мореного дуба и бронированного стекла, я мог думать. Здесь царил абсолютный порядок. Лаконичный минимализм: стол из черного дерева, пара кресел для посетителей, встроенные панели с экранами, показывающими кадры со всех камер клуба и прилегающих улиц. Только одна картина на стене, абстрактное полотно в холодных тонах, которое стоило больше, чем годовой доход среднего бизнеса. Ничего лишнего, ничего, что могло бы отвлечь.

Я сидел за столом, уставившись на главный экран, где в режиме реального времени отображались сводки с наших объектов. Все были приведены в состояние повышенной готовности. Тихий, напряженный гул ожидания висел в воздухе всего здания. Моя правая рука, все еще перевязанная и ноющая, лежала неподвижно на столе. Левая сжимала стакан с водой, виски я сейчас себе не позволял, нужна была ясность.

В голове строились и рушились планы. Отец говорил о публичном уничтожении, о компромате, о медленной, изощренной мести, Шон требовал немедленного, кровавого ответа. Оба подхода имели право на существование. Но оба казались... реактивными. Ответом на ее удар, а я хотел проактивности. Хотел не просто ответить, а предвосхитить, взять под контроль саму ситуацию, которую она создала своим безумием.

Карла Орсино. Ее имя отдавалось в сознании звонким, металлическим звуком, как удар клинка о камень. Она стала навязчивой идеей, не просто врагом, а аномалией. Сбой в матрице, ее действия не укладывались в логику семейной вражды. Они были слишком личными, слишком театральными, слишком... иррациональными. Это делало ее непредсказуемой. А непредсказуемость в нашем мире была хуже открытой войны.

Дверь в кабинет распахнулась без стука. Я даже не обернулся. Только у одного человека был доступ сюда, кроме отца, да и тот всегда звонил заранее. Значит, Киран.

— Брат! А я ищу тебя по всему городу! — его голос, как всегда, взрывной и жизнерадостный, нарушил тишину. Он вошел, закрывая дверь за собой. Я слышал, как он подходит, как разваливается в одном из кресел для посетителей без приглашения. — Слышал про склад. Эпично. «С любовью»! Черт, это же гениально! Нагло, дерзко, меня почти восхищает.

Я медленно повернул к нему голову, он сидел, закинув ногу на ногу, в идеально сидящем темно-синем костюме, его светло-русые волосы были уложены с небрежной точностью. Привычная полуулыбка на лице, но в его темно-зеленых глазах, таких же пронизательных, как у отца, когда он того хотел, я увидел живой, жгучий интерес.

— Эпично? — мой голос прозвучал ровно, без интонации. — Двое наших убиты, уничтожены данные. Нас публично выставили идиотами и все, что ты можешь сказать — эпично?

— О, не кипятись, — он махнул рукой, словно отмахиваясь от досадной мелочи. — Люди умирают, это часть игры. Но стиль... стиль, брат, это важно и у этой психованной итальянки он есть. Дикий, непредсказуемый, но есть. Это искусство.

Меня передернуло от его слов. «Искусство». Убийство и вандализм как искусство. Это было так в духе Кирана — видеть в самом ужасном лишь эстетику, игру, острые ощущения, иногда это раздражало до белого каления.

— Это не искусство, Киран. Это объявление войны или, что более вероятно, идеальная подстава, чтобы эту войну развязать.

— Подстава? — Киран приподнял бровь, его улыбка стала чуть тоньше, умнее. — Ты думаешь, не она? А кто? Чены? И оставили бы иероглифы, наверное. Или «с уважением, Ста-

рый Чен». Нет, это ее почерк, ты же сам говорил — она иррациональна, личная. Это личное, после твоей пули в плечо.

— Именно поэтому это слишком очевидно! — Я не сдержался и ударил кулаком левой руки по столу. Стакан с водой подпрыгнул. Боль в правом плече отозвалась тупым уколом. — Она не идиотка. Безумная, да, но не глупая. Она знает, что после выстрела за ней будут следить. Что любое ее движение против нас будет воспринято как эскалация и она идет и оставляет свою подпись на месте преступления? Как последний малолетний вандал? Это нелепо!

Киран задумчиво потер подбородок.

— Хм. Когда ты это так объясняешь... Да, звучит слишком громко даже для нее. Но, может, она именно на это и рассчитывает? Что мы подумаем: «О, это слишком очевидно, значит, не она»? Двойной блеф.

Мысль была не лишена смысла, в покере он был гением, игра на опережение, на несколько ходов вперед. Возможно, она играла в подобную игру, но для этого нужен холодный расчет, а не истерика. Что, если ее истерика и была частью расчета? Маской, под которой скрывался острый, параноидальный ум? Эта мысль была еще более пугающей.

— Неважно, — сказал я, отводя взгляд на экран. — Она перешла черту, публично. Теперь мы должны ответить и ответ должен быть таким, чтобы раз и навсегда покончить с этой... проблемой.

— Отец предлагает компромат, да? — Киран вытянул ноги, устроившись поудобнее. — Вытащить ее грязное белье на свет, использовать ее историю с мексиканцами. Сломать психологически? Это... скучно. Долго и непредсказуемо. Сломаешь ее и она может стать еще опаснее. Или просто сломается окончательно, и тогда Винченцо, из чувства вины, пойдет на нас войной по-настоящему.

Он, черт возьми, был прав. Как всегда, когда хотел.

— А Шон предлагает грубую силу, — продолжал Киран. — Что тоже... примитивно. Играть на ее поле — отвечать силой на силу. Она, похоже, этого и хочет. Хаос, драку, чтобы все смешалось, и она могла в этой каше плавать, как пиранья.

Он снова ухмыльнулся, довольный своим сравнением.

— Так что же ты предлагаешь? — спросил я, хотя уже догадывался, у Кирана всегда был свой, извращенный взгляд на вещи.

— Я? Я предлагаю пригласить ее на чай, — заявил он просто, и его глаза заблестели азартом. — Серьезно. Пригласить сюда, поговорить, посмотреть ей в глаза. Ты же мастер читать людей, узнать, кто она на самом деле, играет ли она в сумасшедшую или она и есть сумасшедшая и тогда уже решать. Может, она окажется полезной, временный, очень опасным, но полезным союзником против Ченов. Ты же сам говорил, они — общая угроза.

Идея была настолько безумной, что на секунду я онемел. Пригласить сюда Карлу Орсино? После всего? Это было бы как впустить в стерильную операционную бешеную, грязную обезьяну с окровавленными руками.

— Ты с ума сошел, — наконец выдавил я. — Она либо устроит тут стрельбу, либо заложит бомбу, либо просто... испортит воздух.

— О, не драматизируй, — Киран фыркнул. — Мы ее обыщем. Без оружия и пригласим не на танцпол, а сюда, в твой священный кабинет. Где ты хозяин. Где каждый квадратный сантиметр под контролем. Что она может сделать? Плюнуть тебе в лицо? Поцарапать твой стол? Это даже забавно будет, но зато ты увидишь ее настоящую, не ту, что кричит и стреляет, а ту, что придет на переговоры в логово врага. Если придет, это уже будет показательно.

Он замолчал, наблюдая за моей реакцией. Его план был дерзким, рискованным и... имел свою извращенную логику. Узнать врага, свести абстрактную угрозу к конкретному человеку в конкретном кресле. И тогда решить: уничтожить немедленно, использовать или... что-то еще.

Я колебался. Рациональная часть моего мозга кричала, что это безумие. Но другая часть, та самая, что хотела взять под контроль сам источник хаоса, заинтересовалась. Увидеть ее здесь на моей территории. Без ее клоунады с оружием, увидеть, что скрывается за маской.

В этот момент тишину нарушил тихий, но четкий сигнал внутреннего телефона на моем столе. Я нахмурился, я дал указание не беспокоить, разве что по экстренному каналу. Я нажал кнопку.

— Сэр Ронан, — голос моей секретарши, Элеоноры, женщины лет пятидесяти с железными нервами и лицом, не выражавшим эмоций с тех пор, как ее муж сбежал с учительницей танцев двадцать лет назад, прозвучал в динамике. Но сейчас в нем была легкая, едва уловимая напряженность. — Прошу прощения за беспокойство. Внизу... у нас посетитель.

— Кто? — отрезал я, предчувствуя недоброе.

Пауза.

— Синьорина Карла Орсино. Она... просит аудиенции. С вами. Говорит, что пришла одна, без оружия и ждет.

Даже Киран замер в своем кресле, его игривое выражение лица сменилось на ошеломленное, а затем на восторженно-изумленное. Он медленно поднял брови, и его губы растянулись в широкой, беззвучной улыбке, полной немомого вопля: «Я ЖЕ ГОВОРИЛ!»

У меня же внутри все остановилось, сердце пропустило удар, а потом забилось с новой, неестественной силой.

Мысли пронеслись вихрем, сталкиваясь и дробясь. Подстава? Ловушка? Ее люди уже окружают клуб? Она опередила меня. На целый шаг. Пока я сидел и строил планы, как выманить ее или уничтожить издалека, она просто пришла, бросила вызов самым дерзким из возможных способов.

— Как она выглядит? — спросил я, и мой голос прозвучал хрипло. Я откашлялся.

— В... красном плаще. Темные очки. Выглядит... спокойной и настойчивой. Охрана обыскала ее у входа. Оружия нет. Только... — Элеонора сделала паузу. — Только маленький складной нож в потайном кармане плаща. Она отдала его добровольно, когда его нашли.

Я посмотрел на Киран. Он уже не улыбался. Его лицо стало серьезным, сосредоточенным. Он медленно кивнул мне, как бы говоря: «Вот твой шанс, брат».

— Проведи ее в зеленую гостиную, — сказал я в трубку. Зеленая гостиная — небольшая, изолированная комната для важных, но неофициальных встреч на этаже ниже. Она была под наблюдением, но менее официальна, чем мой кабинет. Пусть сначала подождет в клетке. — И усильте охрану на всех выходах и на крыше. Незаметно. Если вокруг есть хоть тень подозрительной активности — сигнал тревоги.

— Слушаюсь, сэр.

Я положил трубку.

— Ну что, брат, — тихо произнес Киран, его голос звучал почти с благоговением. — Похоже, пиранья сама заплывла в аквариум. Что будешь делать?

Я поднялся из-за стола, плечо ныло, но я игнорировал боль. Внутри бушевала жажда наконец-то разгадать эту загадку, которая слишком долго мозолила мне глаза. И холодное, расчетливое предвкушение. Теперь инициатива была у меня. Она пришла ко мне, на мою землю и будет играть по моим правилам.

— Я пойду и посмотрю, что она хочет, — сказал я, поправляя манжет левой рукой. — А ты останешься здесь. Следи за камерами в гостиной и будь на связи. Если что-то пойдет не так...

— ...я спущусь вниз и развлеку ее сам, — закончил Киран, и в его глазах снова вспыхнул тот самый опасный огонек. — Обещаю, будет весело.

— Ты останешься здесь, — повторил я ледяным тоном. Последнее, что мне было нужно, чтобы его непредсказуемость вмещалась в и без того взрывоопасную ситуацию. — И молчи, просто наблюдай.

Я вышел из кабинета, оставив его одного перед экранами. Коридор был пуст и бесшумен, мои шаги отдавались глухим эхом по темному паркету. Лифт доставил меня на этаж ниже, я прошел по еще одному тихому коридору к двери в зеленую гостиную. Двое охранников, похожих на скалы в темных костюмах, стояли по обе стороны от нее, они кивнули мне.

Я остановился перед дверью, сделал глубокий, медленный вдох. Выдох. Впустил в себя холод, вытеснив остатки шока и ярости. Мое лицо стало пустой, бесстрастной маской. Маской Ронана Моррисси. Наследника. Стратега. Человека, который всегда держит контроль.

Я толкнул дверь и вошел.

Комната была небольшой, но роскошной: темно-зеленые стены, книжные полки, заполненные томами в кожаных переплетах (больше для вида, чем для чтения), два глубоких кресла у низкого столика из черного мрамора, и большое окно с видом на боковую улицу, занавешенное тяжелыми портьерами.

Она стояла спиной к двери, у этого окна, откинув одну из портьер, будто рассматривала скучный вид. Алый плащ был ее единственным ярким пятном в этой сдержанной, темной комнате. Она не обернулась, когда я вошел, даже не шевельнулась, она давала мне понять, что знает о моем присутствии, но не считает нужным тут же бросаться навстречу или, наоборот, замирать в страхе. Это был первый вызов.

Я закрыл дверь за собой, звук щелчка замка прозвучал громко в тишине. Я не стал подходить ближе, остался у двери, скрестив руки на груди.

— Синьорина Орсино, — произнес я. Мой голос прозвучал без эмоций, как будто я констатировал погоду. — Неожиданный визит.

Она медленно, почти небрежно, повернулась. Темные, зеркальные очки скрывали ее глаза, но я чувствовал ее взгляд, будто физическое давление. Она сняла очки, и ее карие глаза встретились с моими. Они были... уставшими, с темными кругами под ними, слегка покрасневшими, но не испуганными. В них была усталая, почти саркастическая ясность и дерзость.

— Моррисси, — кивнула она в ответ, не используя мое имя, ее голос был немного хриплым. — Не ожидал?

Она сделала несколько шагов от окна, но не села. Ее движения были плавными, но в них чувствовалась скрытая пружина, готовая распрямиться в любой момент. Плащ шелестел по полу.

— Твоя подпись на стене говорит сама за себя, — заметил я. — «С любовью». Тронут.

— О, да, — она усмехнулась, но улыбка не добралась до ее глаз. — До слез. Особенно часть про двоих убитых твоих ребят. Выстрелы в голову? Да, это мой любимый стиль. Я всегда оставляю визитки на местах своих художественных перформансов, чтобы критики потом могли оценить.

В ее словах была та же язвительность, что и в Бездне, но сейчас в них не было истеричного вызова, была холодная, почти отстраненная ирония. Как будто она говорила о чем-то, что ее глубоко разочаровало.

— Ты отрицаешь? — спросил я, не двигаясь с места. Мне нужно было вынудить ее говорить и слушать, анализировать каждое слово, каждую микро-реакцию.

— Отрицаю? Нет, я не отрицаю, что это идиотская, кричащая подстава, на которую, судя по всему, ты и твой папочка купились, как последние лохи, — она бросила очки на мраморный столик, они со звоном проехали по поверхности. — Подумай сам, Моррисси. Ты же не совсем тупой, хоть и выглядишь как говорящий манекен из бутика дорогих костюмов. Я только что выстрелила в тебя, зачем, блядь, мне было почти сразу лезть на твой склад? Чтобы специально

подписаться? «Ой, смотрите-ка, это я, Карла, я здесь была! Поймите меня, если сможете!»? Я что, по-твоему, самоубийца? Или просто клиническая идиотка?

Она говорила быстро, резко, материлась, жестикулировала, но в этом не было потери контроля. Это был расчетливый напор, она пыталась пробить мою холодность грубостью и логикой.

— Может, твое «безумие» взяло верх над осторожностью. После выстрела тебя могло занести, тебя же все считают нестабильной.

— «Нестабильной», — она фыркнула, подходя ко мне ближе, я не отступил. Между нами оставалось около трех метров. Я чувствовал исходящее от нее напряжение, как электрическое поле. — Да, я нестабильная. Я могу закатить истерику, могу выстрелить в какого-нибудь зазнавшегося ублюдка, который смотрит на меня сверху вниз, но убивать охранников, которых даже не знаю? Это не нестабильность, Моррисси. Это работа. Чистая, холодная, расчетливая работа. А на такую работу у меня вчера не было времени, я занималась другими вещами.

Она сделала паузу, ее взгляд скользнул по моему лицу, по повязке на плече, и в ее глазах мелькнуло что-то вроде... удовлетворения.

— Какими вещами? — спросил я, хотя уже догадывался. Ее внешний вид, покрасневшие глаза, все кричало о бурно проведенной ночи.

— Я напилась в своем клубе до состояния овоща, — отрезала она без тени стыда. — Потом подцепила какого-то парня из Милана, поехала к нему, трахнулась, а на рассвете свалила, пока он спал. Весь вечер и всю ночь меня видели десятки людей в «Серенити». А утром я приползла в свой кабинет и отрубилась на диване, пока мой отец не начал орать на меня из-за звонка твоего папаши.

Она говорила это так откровенно, так цинично, что в это невозможно было не поверить. Это было слишком грязно, слишком лично, чтобы быть ложью, придуманной на ходу. Да и зачем ей врать о таком, если она пытается убедить меня в своей невинности? Она могла бы придумать что-то более героическое или, наоборот, алиби с кучей свидетелей.

— Удобно, — заметил я. — Случайный парень, который, наверное, уже улетел в Милан. И толпа свидетелей в твоем клубе, которые, конечно, подтвердят все, что ты скажешь.

— Подтвердят, — парировала она, и ее губы растянулись в холодную, безрадостную усмешку. — Потому что они боятся меня. Они скажут то, что я прикажу, но это неважно, я не прошу тебя верить мне на слово, я прошу тебя включить мозг. Кому выгодно, чтобы ты сейчас рванул воевать с нами? Кто только что получил от тебя болезненный тычок в бок из-за той самой флешки? Чьи финансовые потоки ты вчера порезал, как салями?

Она снова подошла ближе, сократив дистанцию до двух метров.

— Старый Чен, — продолжила она, не отрывая от меня взгляда. — Он хитер, как змея, он знает, что мы с тобой как кошка с собакой. И он знает про нашу... личную неприязнь. Он мог узнать про мою дурацкую фразу, подкупить кого-то из моих или твоих, устроить этот цирк и теперь сидит и потирает руки, пока ты здесь стоишь и смотришь на меня, как на главную проблему вселенной. Он хочет, чтобы мы перегрызлись и, судя по всему, у него получается.

Ее логика была безупречной, она совпадала с моими собственными подозрениями. Но подозрения — это одно, доказательства — другое.

— Допустим, это Чены, — сказал я, наконец сходя с места, я прошел мимо нее к столику, взял ее солнцезащитные очки, повертел в руках. — Почему я должен тебе верить? Почему я должен объединяться с тобой, с человеком, который недавно пустил мне пулю в плечо, против третьей стороны? Мне проще раздавить вас обоих по отдельности.

— Потому что мы предсказуемые враги, Моррисси. Мы воюем десятилетиями, у нас свои правила, свои границы. Да, мы можем перестрелять друг друга в итоге. Но Чены... они другая порода. Они не воюют, они заражают и подрывают изнутри. Они не будут с тобой драться лицом к лицу. Они отравят твою воду, сольют твои счета, подставят тебя перед властями или...

или устроят так, чтобы твои же люди начали сомневаться в тебе. Как сейчас. Ты же сомневалась, правда? Часть тебя уже думает: «А вдруг и правда не она?».

Она попала в самую точку. Я ненавижу ее за эту пронизательность. Она читала меня, как открытую книгу, несмотря на все мои усилия оставаться нечитаемым.

— Даже если это так, — сказал я, отбрасывая очки обратно на стол, — какой смысл в нашем союзе? Доверие между нами равно нулю. Меньше нуля.

— А кто говорит о доверии? — Она пожала плечами. — Я говорю о временном, тактическом перемирии. О взаимовыгодном обмене информацией. Ты хочешь найти тех, кто это сделал? Я тоже. У меня есть свои каналы, у тебя свои. Мы можем работать параллельно и если выяснится, что это Чены... тогда у тебя будет моральное право и отличный предлог, чтобы раздавить их, выставив защитником своих людей, а заодно и нас ослабишь, заставив быть у тебя в долгу. Тебе же это нравится, да? Контроль, долги, порядок...

Она излагала это так, будто читала коммерческое предложение и это было... убедительно. Она предлагала сделку, о которой я думал, но сформулировал ее лучше меня, добавив в нее элемент взаимной выгоды, который я изначально отверг, потому что не видел, что она может мне дать.

— Что ты получишь? — спросил я, прищурившись. — Кроме спасения своей шкуры от нашего ответного удара.

— Во-первых, да, спасение шкуры уже неплохой бонус, — ухмыльнулась она. — Во-вторых, я хочу того же, чего и ты. Найти того, кто меня подставил и разобраться с ним, по-своему. А в-третьих... — она сделала паузу, и в ее глазах снова вспыхнул тот самый бесовской огонек. — Мне просто интересно посмотреть, как ты работаешь. Узнать, что скрывается за этим ледяным фасадом, может, там вообще ничего нет. Может, ты и правда просто манекен.

Это была обычная детская провокация, но она снова работала. Она задевала ту самую струну, которую всегда старалась задеть — мое самолюбие, мою потребность в контроле и уважении.

— Ты играешь с огнем, Орсино, — тихо сказал я. — Ты заходишь в мое логово, оскорбляешь меня и предлагаешь сделку, ты либо очень храбрая, либо очень глупая.

— Я реалистка, — пожала она плечами. — И сейчас реализм говорит мне, что терять мне нечего. Ты либо поверишь мне и мы попробуем вычислить настоящих ублюдков, либо не поверишь, и твои люди уже завтра начнут жечь мои клубы. А я, в свою очередь, начну жечь твои и в этой драке выживут только Чены. Выбор за тобой, айсберг. Будь прагматиком, каким ты себя считаешь.

Я подошел к ней вплотную. Она не отпрянула. Подняла голову, глядя мне прямо в глаза. Ее дыхание было ровным. Она либо не боялась, либо мастерски это скрывала.

Близость была почти физическим ударом. Я стоял так, что наши груди почти касались, и мне пришлось смотреть на нее сверху вниз, она не отступала, ее карие глаза, все еще уставшие, но теперь горящие холодным, выжидающим огнем, не моргнули.

— Ты умеешь продавать, Орсино, — сказал я тихо, так, чтобы только она слышала. Голос мой звучал низко, почти интимно, но в нем не было ничего, кроме ледяной оценки. — Но один продавец еще не сделка. Ты пришла сюда отчаянная и загнанная в угол, у тебя нет доказательств, только догадки и красивая теория.

— Зато у тебя есть возможность эти доказательства найти, — парировала она, и ее губы тронула та же усмешка, что и тогда, когда она целилась в меня. — Вместе — быстрее, а время, как я понимаю, у тебя тоже на исходе. Твои люди ждут команды, Шон, наверное, уже точит ножи. Каждый час промедления — это час, когда Чены готовят следующий удар или следующий фокус уже с твоей подписью на чьей-нибудь стене.

Она была права и это бесило больше всего. Она ставила меня в позицию, где мой рационализм заставлял соглашаться с ее безумным планом. Я ненавидел, когда контроль ускользал, а сейчас он ускользал прямо в ее цепкие, дерзкие руки.

Я отступил на шаг, разрывая это напряженное поле между нами. Мне нужно было пространство, чтобы думать, чтобы не дать личной ярости, все еще хлоктавшей из-за выстрела и нападения на склад, затмить холодный расчет.

– Твое предложение будет рассмотрено, – произнес я, возвращаясь к формальному, деловому тону. Я отошел к окну, повернувшись к ней спиной, демонстрируя, что разговор окончен и что она больше не представляет для меня непосредственной угрозы. Это был жест превосходства, но я чувствовал ее взгляд на своей спине, жгучий, как раскаленная игла. – Я обсужу его с отцом и братьями.

– Обсуди, – услышал я ее голос сзади, он звучал почти небрежно. – Только не забудь упомянуть про мое блестящее алиби с миланским дизайнером. Думаю, твоему брату Кирану это особенно понравится. Он, говорят, ценит хорошие истории.

– Если решение будет положительным, – продолжал я, не оборачиваясь, – мы назначим общую встречу на нейтральной территории, обсудим условия, границы и последствия их нарушения.

– О, переговоры, – она фыркнула. – Как я обожаю. Особенно когда на них все смотрят друг на друга, как кобры перед броском. Ладно, Моррисси. Буду ждать твоего... любовного письма.

Я услышал, как плащ зашуршал, как ее шаги зазвучали по полу, удаляясь к двери. Она уходила. Так же дерзко, как и пришла, не дождавшись формального разрешения и не прощаясь.

Я обернулся, когда она уже бралась за ручку.

– Орсино, – остановил я ее. Она замерла, полуобернувшись. – Твой нож останется здесь. Она кивнула, как будто это было само собой разумеющимся.

– Подарок на память или залог. Как знаешь.

И она вышла, тихо закрыв за собой дверь.

Я простоял у окна еще несколько минут, слушая, как мое сердце медленно возвращается к нормальному ритму.

Она была опасной. Не просто как враг. Как явление. Она умела читать ситуацию и людей с пугающей точностью, она использовала свою репутацию «сумасшедшей» как щит и как оружие, позволяя всем думать, что она действует на эмоциях, тогда как на самом деле ее действия, даже самые иррациональные, имели под собой холодный, пусть и искаженный, расчет.

И теперь она предлагала союз. Временный, тактический, построенный на взаимной выгоде и полном отсутствии доверия. Это была сделка с дьяволом, но дьявол, как известно, знает толк в контрактах.

Я вышел из зеленой гостиной, кивнув охранникам. Лифт снова доставил меня наверх. Когда я вошел в свой кабинет, Киран сидел в моем кресле за столом, вращаясь из стороны в сторону, с лицом, сияющим от восторга.

– Ну что, брат? – спросил он, как только дверь закрылась. – Как наше маленькое солнышко?

– Выключи камеры, – сухо приказал я, подходя к бару. На этот раз я налил себе одну маленькую порцию виски. Мозг требовал перезагрузки.

Киран щелкнул чем-то на пульте, и экраны погасли. Он поднялся с моего кресла и устроился в своем любимом, у окна.

– И? Что она хотела?

– Предложила временное перемирие. Чтобы найти общих врагов. Ченов.

– О-о-о! – Киран вытянул звук, его глаза заблестели. – А я что говорил? Я говорил! Она умнее, чем кажется. Играет ва-банк и, судя по твоему лицу, ты почти купился.

– Я не купился, – отрезал я, делая глоток. Алкоголь обжег, принося временное, обманчивое тепло. – Я сказал, что обсудим с отцом и Шоном.

– Отец захочет ее сломать через компромат. Шон – через силу. Оба варианта сейчас – глупость. – Киран говорил быстро, с азартом. – Чены уже в игре. Они вышли из тени и ударили по нам и, по версии нашей итальянской фурии, по ним же, но под ее именем. Нам нужно реагировать не на Карлу, а на них. А она... она может быть полезным инструментом. Бешеным, опасным, но инструментом. У нее свои каналы в Бездне, среди мелких шестерок, которые нам и не снились, она может достать информацию, до которой мы не доберемся.

Он был прав. Снова. Он видел стратегическую картину, когда хотел, просто обычно ему было скучно ею заниматься.

– Ты предлагаешь заключить с ней сделку? – спросил я, пристально глядя на него.

– Я предлагаю заключить сделку с ситуацией, – поправил он меня. – А она часть этой ситуации. Мы используем ее, чтобы добраться до Ченов. А потом... – он сделал многозначительную паузу. – Потом посмотрим. Может, к тому времени она нам даже понравится в качестве очень опасного домашнего питомца.

Я допил виски, поставил бокал. Головная боль, которую я игнорировал, начала заявлять о себе тупым давлением в висках, нужно было ехать в особняк, говорить с отцом и с Шоном, который, наверное, уже рвет и мечет.

– Поехали, – сказал я. – Ты мне понадобишься, чтобы уговорить Шона, когда он начнет орать.

Дорога в особняк прошла в молчании, Киран сидел на пассажирском сиденье, уставившись в окно, но по его лицу было видно, что мысли его скачут, как обезьяны по лианам. Он наслаждался этой ситуацией, для него это было лучшее шоу на свете.

Я же чувствовал тяжелую, свинцовую усталость. Не только физическую от боли в плече, но и моральную. Карла Орсино за несколько минут взломала мою обычную схему действий – анализ, план, холодный удар. Она ворвалась в нее, как ураган, и оставила после себя хаос возможностей, каждая из которых была чревата катастрофой, но и бездействие тоже вело к катастрофе.

В особняке Мэлоун встретил нас у двери и без слов указал головой на кабинет отца. Шон, видимо, уже был там.

Мы вошли, отец сидел за своим столом, его лицо было вырезано из гранита, Шон стоял у камина, и по его позе, по тому, как он сжал кулаки, было видно, что он едва сдерживается.

– Ну? – спросил Лиам, не делая вступлений, его ледяные глаза перешли с меня на Кирана и обратно. – Что за спектакль? Нам доложили, что Карла Орсино сама пришла к тебе.

– Пришла, – подтвердил я, занимая позицию перед столом, Киран развалился в кресле с видом зрителя в первом ряду. – Предложила сделку.

Шон фыркнул, словно лошадь.

– Сделку? После того как она устроила? Я ей сейчас сделку предложу пулей в лоб!

– Заткнись, Шон, – тихо, но с ледяной властью сказал отец, его взгляд заставил брата смолкнуть, хотя тот и продолжал пылать. – Какую сделку?

Я коротко изложил суть, ее версию событий (подстава Ченов), ее «алиби», ее предложение о временном перемирии и совместном поиске виновных. Я не стал упоминать про миланского дизайнера – это только разозлило бы Шона еще больше.

Когда я закончил, в кабинете повисла тишина. Отец медленно постукивал пальцами по столу, Шон тяжело дышал, как бык перед атакой.

– И ты ей поверил? – наконец спросил Лиам.

– Я не верю никому, – ответил я. – Но ее логика безупречна, Чены – единственные, кому это выгодно сейчас и ее поведение... оно не соответствует поведению виновного. Виновный бы прятался, она пришла ко мне в логово.

– Это наглость! Чистая наглость! – вырвалось у Шона. – Она думает, что может нас одурачить! Прикинуться невинной овечкой, пока ее папаша готовит следующий удар!

– А может, она и есть невинная овечка, которую хотят зарезать чужими руками, – вставил Киран, не меняя позы, его голос прозвучал неожиданно серьезно. – Подумайте, если это Чены, то они блестяще сыграли. Стравили двух главных своих конкурентов, нанесли нам удар, а теперь будут смотреть, как мы грыземся. Мы можем рвануть в бой, потерять людей, ресурсы, а они – подобрать все, что упадет. Или... мы можем проявить хитрость, сделать вид, что купились на их игру, но на самом деле ударить по ним. Используя Орсино как... скаута или как приманку.

– Использовать Орсино? – Шон рассмеялся, но смех его был полон презрения. – Да они сами нас используют! Эта шалава выстрелила в Ронана, а теперь прикидывается, что хочет дружить! И вы все ведетесь на это?

– Никто ни на что не ведется, – холодно сказал я, глядя на брата. – Речь идет о тактическом маневре, мы ничего не теряем, соглашаясь на переговоры, мы выигрываем время. Мы можем проверить ее историю. Провести собственное расследование параллельно, а на встрече выставить свои условия. Такие, которые поставят Орсино в полную зависимость, если они согласятся. Если это подстава Ченов – мы получаем союзника, пусть и временного, против общего врага. Если это все же она... мы получаем ее в ловушке на нейтральной территории, со всеми вытекающими.

Отец слушал, его взгляд был отстраненным, смотрящим внутрь, просчитывающим варианты.

– Встреча на нейтральной территории, – проговорил он наконец. – Бездна. Таверна «У старого причала». Падре О’Мэлли будет присутствовать как нейтральный наблюдатель. Наши условия: полный доступ к их данным по Ченам на время расследования, их отказ от любых враждебных действий против нас. И... Карлу Орсино нужно взять под полный контроль... – он сделал паузу и посмотрел на меня, в его глазах мелькнула жесткая искра. — Раз уж ты выступаешь за эту идею у меня есть последнее условие...

ГЛАВА 6. КАРЛА

Дверь «Стекла» закрылась за мной с тихим, но окончательным щелчком. Холодный воздух Манхэттена ударил в лицо, и я сделала глубокий, дрожащий вдох, как будто вынырнула из-под воды после долгого погружения. Ноги слегка подкашивались, но я заставила себя идти ровно, тем же размеренным, уверенным шагом, которым пришла. Алый плащ развевался за мной, словно знамя, которое я еще не спустила.

Прошла первый квартал, потом второй, сердце колотилось где-то в горле, и только сейчас, когда опасность (пока) миновала, я позволила себе почувствовать всю глубину адреналиновой дрожи, пробивавшейся сквозь похмельную слабость. Я сделала это, я вошла в его логово и вышла живой.

У кафе «Бистро» уже торчал знакомый черный седан. Как только я приблизилась, задняя дверь распахнулась изнутри, и я почти ввалилась на сиденье. Лука сидел там, бледный как смерть, его рука лежала на рукояти пистолета. Он окинул меня быстрым, оценивающим взглядом, проверяя на наличие дыр или новых шрамов.

— Все цело? — спросил он хрипло, его голос выдавал напряжение последних минут ожидания.

— Пока что, — выдохнула я, откидываясь на спинку и скидывая темные очки. Глаза отвыкли от дневного света, и я зажмурилась. — Поехали быстрее домой.

Пьетро, не задавая вопросов, тронул с места. Машина плавно вырулила в поток, Лука не отводил от меня взгляда.

— И? Что было? Он тебя... слушал?

— Слушал, — кивнула я, глядя в окно на мелькающие фасады. Теперь, когда напряжение спадало, накатывала чудовищная усталость и головная боль возвращалась с удвоенной силой. — Не знаю, поверил ли, но он не вышвырнул меня вон и не пристрелил на месте. Значит, как минимум, задумался.

— И что дальше?

— Ждем. Он сказал, обсудит с семьей. Потом даст ответ. Вероятно, предложат встречу. Нейтральная территория.

Лука фыркнул, выражая свое отношение к падре О'Мэлли и его нейтралитету, который всегда клонился в сторону той, чья позиция сильнее в данный момент.

— Риккардо сойдет с ума.

— Папа тоже будет не в восторге, но у них нет выбора, как и у Моррисси.

Я закрыла глаза, пытаюсь упорядочить в голове только что произошедшее, образ Ронана Моррисси в той зеленой гостиной стоял перед глазами. Он был... именно таким, каким я его и представляла. Холодная статуя в дорогом костюме, его резкое лицо с карими глазами, в которых не было ничего, кроме ледяной оценки. Ни злости, ни удивления, ни даже простого человеческого любопытства. Как будто я была не живым человеком, а очередным отчетом или шахматной фигурой, которую нужно передвинуть.

И это больше, чем если бы он орал или угрожал. Это полное, абсолютное отсутствие эмоций, как будто за его глазами не было никого. Машина, запрограммированная на контроль и эффективность. Айсберг. Да, идеальное прозвище. Девяносто процентов под поверхностью, и все эти проценты сплошной лед.

Но в этом холоде была и своя сила, когда он слушал, он не перебивал, не кривился, не позволял личному застилать глаза. Он анализировал, взвешивал и, черт побери, он был умным. Он сразу же уловил слабые места в моей истории, но также увидел и логику в моих доводах о Ченах. Он не был слепым мстителем, как Шон. Он был... стратегом и это делало его в тысячу раз опаснее.

Ненавижу, — подумала я с внезапной, яростной силой. Ненавижу его холодность, его контроль, его уверенность в том, что он все просчитал.

Но вместе с ненавистью пришло и странное, почти неприличное уважение. В мире, где все вокруг либо кричат, как мой отец, либо ноют, как Риккардо, либо просто боятся, его ледяное спокойствие было чем-то... выдающимся.

Машина свернула за знакомые ворота, я вышла, поправила плащ и, не дожидаясь Луки, вошла внутрь.

Их было трое в холле: отец, Риккардо и, к моему удивлению, Вайолет. Она стояла чуть в стороне, за своим вечным ноутбуком, но ее присутствие здесь, а не в ее логове наверху, говорило о многом, даже она была вовлечена в этот семейный кризис.

Холл особняка казался сценой перед поднятием занавеса, отец стоял посредине, на красном восточном ковре, его массивная фигура была сосредоточена, как у генерала перед решающей битвой. Риккардо метался у подножия лестницы, его обычно безупречный вид был нарушен: волосы всклокочены, смесь гнева и глубокой тревоги на лице. А Вайолет как обычно была тихой тенью в углу, уткнувшись в экран ноутбука.

Они все повернулись ко мне, когда я вошла.

— Ну? — вырвалось у Риккардо первым, прежде чем я успела снять плащ. — Говори. Что он сказал? Ты жива, это уже хорошо.

Я скинула алое пальто, бросила его на ближайший стул.

— Он меня выслушал, — сказала я, подходя к бару в нише холла, мне отчаянно нужна была вода, сухость во рту была невыносимой. — Он не поверил на слово, но и не вышвырнул, сказал, обсудит с семьей и даст ответ.

Я налила себе стакан ледяной воды из графина, выпила залпом.

— Вероятно, предложат встречу на нейтралке, с падре О'Мэлли в качестве свидетеля.

— Встречу? — Риккардо фыркнул, делая резкий жест рукой. — Для чего? Чтобы они могли захватить тебя в заложники на «нейтральной» территории? Это ловушка, Карла! Ты что, не видишь?

— Вижу, — ответила я, поворачиваясь к нему. Усталость и похмелье делали мой голос резче, чем я планировала. — Вижу, что у нас нет других вариантов. Ждать, пока они начнут ответную бойню? Или начать первыми и точно сыграть на руку Ченам? Ты хочешь войны, Рикки? Где мы будем хоронить своих людей каждый день?

— Я не хочу войны с Моррисси из-за твоих выходок! — рявкнул он в ответ, и в его голосе прозвучала та самая нота, которая всегда резала по живому: обвинение. Если бы не твой выстрел, не было бы и этого нападения, и мы бы не оказались в такой ситуации. В какой-то степени я сама это понимала, но признавать не хотела.

Отец тяжело вздохнул, проводя рукой по лицу, он выглядел измотанным.

— Дети, хватит. Карла вернулась целой, это главное. — Он посмотрел на меня, и в его глазах, обычно таких горячих и вспыльчивых, сейчас была усталая, мучительная забота. Это был тот самый взгляд, который всегда ранил сильнее криков. Взгляд, полный любви, страха и полного непонимания, как обращаться со мной после того, как я вернулась... другой. — Что он сказал о нападении? Его версия?

— Его версия, как и у всех, что это я, — ответила я, отставляя стакан. — Но он не идиот, я думаю, он понимает, что Чены — единственные, кто получит выгоду от этого сейчас. Я предложила временное перемирие, чтобы найти настоящих виновных, совместно. Обмен информацией.

Риккардо закатил глаза.

— Совместно. С Моррисси. Ты слышишь себя? Они нас ненавидят! Они всегда нас ненавидели! И ты думаешь, они поверят в сказку про общего врага? Они используют это, чтобы залезть к нам в доверие и ударить, когда мы будем беззащитны!

— У нас никогда не будет доверия, Риккардо! — огрызнулась я. — Речь не о доверии! Речь о взаимовыгодной сделке! Он прагматик, он видит выгоду. Если мы сможем доказать, что это Чены, он получит моральное право и предлог, чтобы раздавить их, выставив себя защитником своих людей. Ему это понравится. Контроль, долги, порядок — это его язык.

Я говорила о Ронане с холодной, почти клинической отстраненностью, но внутри что-то клокотало. Его образ, его ледяное лицо, его пустой взгляд — все это вызывало во мне яростное отторжение. Он был противоположностью всего, что было в нашей семье — шумной, эмоциональной, хаотичной, но... живой. Он был как хорошо отлаженный механизм, без души, без страсти, без огня, который иногда обжигал, но хотя бы давал тепло.

— Он холодный, как рыба, — вырвалось у меня, прежде чем я успела подумать. — Смотрит на тебя, как на бухгалтерский отчет. Ненавижу таких. Но... он эффективен и если он увидит выгоду в союзе, он пойдет на него, даже если будет ненавидеть каждую секунду.

Отец слушал молча, его тяжелый взгляд переходил с меня на Риккардо и обратно. Он видел пропасть между нами — между горячим, импульсивным наследником, который мыслил категориями чести и прямой конфронтации, и его «надломленной» дочерью, которая научилась видеть извилистые пути, подлости и возможность использовать чужие пороки против них же. Он любил нас обоих и из-за этой любви, и из-за того, что случилось со мной, он разрывался. Он винил себя, мы все знали это, он винил себя за то, что не уберег меня тогда и теперь, когда я бросалась в самые опасные авантюры, его страх и вина превращались в гнев, а гнев в попытки контролировать меня, что только отталкивало.

— Карла права в одном, — тихо сказала Вайолет, не отрываясь от экрана. Все взгляды устремились на нее, она редко вмешивалась в семейные споры. — Логика безупречна. Чены — единственные бенефициары. Мониторя их цифровую активность последние 48 часов, я вижу всплеск защитных мер и скрытой переписки между их ключевыми людьми. Они что-то ожидают или готовятся к чему-то.

Ее сухой, безэмоциональный голос прозвучал как приговор. Риккардо стиснул зубы, но промолчал.

— Так что же нам делать, Вай? — спросил отец, обращаясь к ней с тем уважением, которое он всегда испытывал к ее уму.

— Ждать ответа Моррисси, — ответила она просто. — И готовиться к встрече. Провести свое расследование параллельно, проверить всех, кто имел доступ к информации о складе Моррисси и... к личным деталям о Карле.

— Я займусь этим, — сказал Риккардо мрачно, и в его голосе теперь звучала не злость, а холодная решимость, он мог злиться на меня, но угроза семье изнутри была для него священной войной. — Проверю всех, кто был рядом в последние дни. Солдат, слуг, бухгалтеров. Всех.

— Бережно, Риккардо, — предостерег отец. — Не сей панику, если это предатель, он уже на чеку.

— Я знаю, папа.

Я смотрела на отца, пытающегося быть мудрым патриархом, на брата, готового рвать и метать, чтобы защитить своих. Они были такими... знакомыми, родными и такими далекими иногда. После того, что случилось, между нами всегда будет эта невидимая стена, они смотрят на меня и видят не только Карлу, но и ту травму, которую я ношу с собой. Они не знают, как к ней подступиться, боятся задеть. Иногда их забота душит, иногда их непонимание злит, но я никогда не сомневалась в их любви.

— Карла, — отец подошел ко мне, положил тяжелую руку на мое плечо, его прикосновение было теплым и грубоватым. — Ты уверена, что хочешь идти на эту встречу? Если они согласятся, ты только что вышла от него. Это будет... напряженно.

Я посмотрела ему в глаза. В них была та же мука, что и всегда, когда речь заходила о моей безопасности.

— Я должна, папа. Это я ввязала нас в эту историю своим выстрелом. Теперь нужно вытаскивать.

Он кивнул, сжав моё плечо, и затем отпустил.

— Хорошо. Иди отдохни, выглядишь ужасно. — В его голосе не было осуждения, только констатация факта и забота. — Вайолет, продолжай следить за каналами Чен, Риккардо, начинай тихую проверку. Я позвоню нашим старым контактам в порту, попробую выяснить, кто видел что-то в ту ночь.

Они разошлись, каждый погрузившись в свою задачу. Я осталась одна в холле, глядя на алый плащ, бесформенно лежащий на стуле. Усталость навалилась всей своей тяжестью, голова снова раскалывалась, но помимо физического состояния, внутри была каша из эмоций.

Я поднялась по лестнице в свою комнату, закрыла дверь. Тишина и полумрак после яркого света холла были благословением, я скинула ботинки, повалилась на кровать лицом в подушки, не раздеваясь.

Под закрытыми веками снова всплыло его лицо. Ронан Моррисси. «Айсберг». Я ненавижу дела его холодность. В ней было что-то нечеловеческое. В нашем мире много жестоких, злых, мстительных людей. Но они хоть что-то чувствовали. Гнев, жажду власти, страх. У него же... ничего. Как будто эмоции были для него ненужным шумом, помехой в расчетах. Как он может так жить? Неужели он никогда не чувствовал ярости, которая сжигает изнутри? Или страха, который сводит живот в ледяной ком? Неужели он никогда не любил так безумно, что готов был на все?

Может, он просто лучше всех умеет это прятать, — промелькнула мысль. Может, подо льдом там бушует своя буря, но если и так, то его контроль был поистине пугающим. Он был опасен не как взрывчатый Шон Моррисси, а как тихое, неумолимое течение, которое утягивает на глубину, даже не вспенившись.

И именно с этим человеком я, возможно, буду вынуждена сотрудничать, сидеть за одним столом, обмениваться информацией. Делать вид, что мы временные союзники. Мысль вызвала отвращение, но также... странное, щекочущее нервы любопытство. Что будет, если попытаться растревожить этот лед? Если попробовать вызвать в этих пустых карих глазах хоть какую-то искру?

Я перевернулась на спину, уставившись в потолок с лепниной. В детстве я представляла, что эти завитки карта сказочных земель, сейчас они были просто узором на штукатурке.

Семья. Отец. Риккардо. Даже Вайолет, которую я считала своей, а не просто наемным специалистом. Они были моим якорем и моим проклятием иногда. Их любовь была шумной, требовательной, порой удушающей, они хотели вернуть ту Карлу, которая была до... всего. Веселую, дерзкую, может, немного избалованную, но живую, а я не могла. Я могла только притворяться, надевая маску сарказма и показного бесстрашия. И они видели эту маску, и знали, что за ней — пустота и боль, и не знали, что с этим делать. Отсюда и их вина, их попытки контролировать, наши ссоры.

Риккардо, со своим вечным «безрассудством» и «эмоциями». Он был прав, конечно. Я часто действовала на эмоциях, но это были не те простые, понятные эмоции, которые он знал. Это была черная, густая ярость, рожденная из беспомощности или леденящий страх, прорывавшийся сквозь сны. Он не понимал этого. Для него мир делился на долг, семью и врагов. Все просто. А у меня в голове после того подвала ничего простого не осталось.

...

Сон пришел не как отдых, а как засада. Он начался не с кошмара, а с обманчивой безмятежности: запах жасмина из сада особняка, тепло солнца на коже, мой собственный смех, легкий, беззаботный, каким он был лет в девятнадцать. Я была в белом платье (я ненавидела белое, но во сне это не имело значения) и шла по лужайке к отцу и Риккардо, которые сидели за столом под большим зонтом. Все было слишком идеально.

Потом запах изменился. Жасмин сменился сладковато-кислым запахом гниющей плоти, пыли и пота. Солнце погасло, будто его выключили. Тепло сменилось липким, пронизывающим холодом сырого бетона под босыми ногами. Я уже была не на лужайке, я была в том подвале.

Свет был тусклым, от одной лампочки под потолком, отбрасывающей длинные, пляшущие тени. Я не видела их лиц. Только силуэты, которые двигались, бормотали на испанском, смеялись. Смех был самым страшным. Он не был злым, он был... безразличным, как будто я была не человеком, а интересной игрушкой, которую можно разбирать на части, чтобы посмотреть, что внутри.

Я пыталась отползти, но тело не слушалось. Оно было тяжелым, одеревеневшим от страха и боли. Тени наклонялись ближе, чувствовала их дыхание на своей коже. Один из них что-то держал в руке. Блестящее. Острое.

Не сейчас. Не снова. Проснись.

Мысль прорвалась сквозь ужас, резкая и ясная. Но тело было в плену. Я видела, как лезвие приближается к моей спине...

Я проснулась. Резко, без звука. Как будто кто-то дернул за невидимую нить, привязанную к моему сердцу.

Сознание врезалось в реальность. Я лежала на спине, уставившись в темноту потолка своей спальни. Грудь вздымалась, сердце колотилось где-то в горле, с такой силой, что казалось, оно вот-вот выпрыгнет. Все тело было покрыто холодным, липким потом, простыни подо мной были мокрыми и скомканными, мои руки, сжатые в кулаки, так и остались вцепленными в ткань по бокам от бедер. Я разжала пальцы медленно, с усилием, будто они застыли в судороге. Ладони были влажными, на них отпечатались красные следы от ногтей.

Я не кричала. Крик — это слабость. Крик привлекает внимание, крик заставляет их бежать — отца, Риккардо, слуг — с испуганными, полными жалости и растерянности лицами. «Карла, дорогая, что случилось? Опять кошмар?» И этот вечный, мучительный взгляд, в котором смешивается любовь, страх и полное бессилие. Взгляд на «надломленную». Я не могла выносить этого, поэтому я научилась просыпаться молча, даже если внутри все рвалось на части.

Мысли были обрывистыми, хаотичными. Отзвуки сна еще висели в сознании, как ядовитый туман. Этот проклятый, сладковатый запах, он иногда преследовал меня и днем, всплывая ни с того ни с сего, я ненавидела его больше всего. Даже через семь лет, даже сквозь плотную сеть шрамов, казалось, я чувствовала призрачное жжение лезвия.

Слабость, — прошипел внутренний голос, холодный и безжалостный. Эмоции — слабость, страх — слабость, эти сны — слабость. Ты должна быть сильнее. Ты Карла Орсино. Ты пережила это. Ты выжила. Теперь переживи и это.

Я встала, ноги были ватными, но выдержали. Я подошла к окну, распахнула его. Ночной, прохладный воздух хлынул в комнату, смывая спертый, пропитанный страхом воздух. Я стояла, опершись о подоконник, вдыхая запах города, мокрого асфальта после недавнего дождя, далеких выхлопов. Реальность. Тяжелая, грязная, но реальность.

Прошло минут десять, пока дрожь внутри не утихла, а сердце не перестало колотиться как сумасшедшее. Я посмотрела на часы на прикроватной тумбочке. 4:17 утра. Бесполезно пытаться заснуть снова, сон уже не придет или придет, но принесет с собой новые тени.

Я направилась в ванную, не включая верхний свет, только тусклую лампу над зеркалом, я избегала смотреть на свое отражение в такие моменты. Вид бледного, осунувшегося лица с темными кругами под глазами только усиливал чувство уязвимости. Я включила душ, сделала воду почти ледяной, и встала под струи.

Холод был очищающим. Он смывал пот, смывал остатки липкого ужаса, заставлял кожу покрыться мурашками, а тело проснуться по-настоящему. Я стояла так несколько минут, пока

дрожь не стала не от страха, а от холода. Потом добавила теплой воды, вымыла голову, тело, с особой тщательностью, как будто могла смыть с себя не только грязь, но и память.

Когда я вышла и вытерлась жестким полотенцем, в теле появилась странная, пустая легкость. Как после бури, когда все выжжено, но хотя бы тихо. Я надела старые, мягкие спортивные штаны и просторную футболку.

Рассвет уже начал окрашивать небо за окном в серо-сиреневые тона, я вышла из своей комнаты в тихий, спящий коридор.

Мне не хотелось быть одной, но и бурить отца или Риккардо в такую рань... нет, не стоит. Их забота, их вопросы сейчас были бы невыносимы. Был один человек, чье общество не требовало объяснений, кто не смотрел на меня с жалостью, а просто... принимал.

Я спустилась на этаж ниже и тихо постучала в дверь в дальнем конце коридора. В комнате Вайолет не было барокко или хаоса, здесь царил технологический минимализм. Стеллажи, заставленные серверами и сетевым оборудованием, тихо гудевшие ровным, успокаивающим гулом, несколько мониторов на большом изогнутом столе светились в полумраке, показывая бесконечные потоки данных, карты города с движущимися точками, строки кода.

Сама она сидела в огромном кресле, спиной ко мне, уткнувшись в главный экран, на ней были темные спортивные штаны и просторная серая толстовка с капюшоном. Темные волосы были собраны в небрежный пучок, она не обернулась.

— Ты не спала, — констатировала я, не как вопрос, а как факт.

— Сон — неэффективное использование времени, когда нужно отслеживать активность на семнадцати разных каналах, — ответила она своим ровным, безэмоциональным голосом, не отрываясь от экрана. — Тем более после вчерашних событий. Вероятность попытки слежки или взлома повысилась на сорок три процента.

Я прошла мимо нее и плюхнулась на ее кровать. Она была застелена с армейской аккуратностью, но покрывало было мягким, темно-серым. Я устроилась поудобнее, уставившись в темный потолок.

— И что? Есть что-то интересное?

— Ничего экстраординарного. Рутинные финансовые переводы Ченов, попытка зайти в защищенную сеть одного из наших подставных предприятий (неудачная), переписка их младших оперативников о повышении бдительности. И... — она сделала паузу, и ее пальцы замерли над клавиатурой. — Запрос из неизвестного источника. Очень профессиональный. Попытались получить доступ к архивным камерам на складе Моррисси за последние семьдесят два часа. Маскировались под запрос из полиции, но паттерн не совпадает.

— Моррисси, — выдохнула я. — Они сами проводят расследование.

— Вероятность девяносто восемь процентов, — кивнула Вайолет. — Они тоже не сидят сложа руки. Это хорошо. Значит, он хотя бы частично поверил твоей версии.

Я не ответила. Лежала, слушая тихий гул серверов. Это был успокаивающий звук. Вай контролировала здесь свою вселенную из битов и байтов. Здесь не было места кошмарам. Здесь все было логично, предсказуемо.

— Ты опять не спала, — она повернула кресло, чтобы посмотреть на меня. Ее лицо в свете мониторов было бледным, глаза за толстыми линзами очков были внимательными, но не любопытными. Она никогда не лезла в душу, она просто фиксировала данные.

— Спала, — ответила я. — Потом проснулась. Обычное дело.

— Кошмар, — уточнила она, не как вопрос.

— Да, кошмар, — подтвердила я, глядя в потолок. С Вай можно было говорить об этом, потому что она не начинала суетиться, она просто принимала информацию, как еще один факт. — Пыль, пот и блестящие предметы. Старая классика.

Я ждала, не спросит ли она что-то еще, но она просто кивнула и повернулась обратно к экранам. Ее молчание было... комфортным, оно не давило.

— Знаешь, что самое паршивое? — сказала я через некоторое время, больше чтобы заполнить тишину, чем в ожидании ответа. — Не сам кошмар, а то, что после него весь мир кажется... плоским и серым. Как будто все краски смыло. И ты целый день ходишь, делаешь дела, говоришь с людьми, а внутри вакуум и страх, что этот вакуум однажды заполнится не просто серостью, а чем-то хуже.

Вайолет щелкнула переключателем, и один из мониторов погас.

— Посттравматический стресс вызывает дисбаланс нейротрансмиттеров, в частности, серотонина и норадреналина, что может приводить к ангедонии — неспособности испытывать удовольствие, — отчеканила она своим ровным голосом. — А также к гипербдительности и вторгающимся воспоминаниям. Это не «слабость», Карла. Это физиологическая реакция мозга на экстремальный стресс. Как перелом, только невидимый.

Я улыбнулась в темноту. Только Вай могла превратить мой экзистенциальный ужас в лекцию по нейробиологии и в этом было своеобразное утешение.

— Спасибо за диагноз, доктор, — проворчала я. — Назначишь таблетки?

— Фармакологическое вмешательство имеет множество побочных эффектов и не устраняет причину, — ответила она серьезно. — Более эффективной была бы когнитивно-поведенческая терапия, но ты на нее не пойдешь.

— Потому что я не сумасшедшая.

— Потому что ты не хочешь, чтобы кто-то копался в твоей голове, даже профессионал. — Она снова повернулась, и в тусклом свете я увидела, как ее губы тронула едва заметная усмешка. — И потому что ты предпочитаешь более... прямые методы борьбы со стрессом. Вроде стрельбы по Моррисси.

Я фыркнула.

— Это помогло. На пять минут.

— Адреналиновый выброс дает временное облегчение, но не решает проблему. — Она взяла свой термос, отпила чаю. — Тебе нужна цель. Не разрушительная. Конструктивная.

— У меня есть цель, — сказала я. — Найти того, кто меня подставил и разобраться с Ченами.

— Это месть. Она дает фокус, но не исцеляет. — Вай пожала плечами. — Но я не психотерапевт, я специалист по данным и данные говорят, что сегодня тебе лучше провести день здесь, в относительной тишине, и не принимать никаких решений, требующих эмоциональных затрат. Твой когнитивный ресурс снижен.

Я засмеялась, и звук был немного хриплым, но настоящим.

— Приказ, поняла. Буду валяться на твоей кровати и мешать тебе работать.

— Ты уже это делаешь, — парировала она, но без раздражения. — Но по крайней мере, ты в безопасности и в поле зрения.

Вайолет снова погрузилась в свои экраны. Я лежала, слушая щелчки клавиатуры и равномерный гул техники. Глаза медленно закрывались. Здесь, в этой стерильной, логичной комнате, под защитой гения в толстовке, кошмары отступили.

Я, наверное, задремала, потому что следующий звук, который я услышала, был голосом Вай, но уже другим — более оживленным, заинтересованным.

— Карла. Проснись.

Я открыла глаза. В комнате было уже совсем светло. Я проспала несколько часов.

— Что?

— Пришел ответ, — сказала Вайолет, указывая на один из экранов. На нем было электронное письмо, отправленное с зашифрованного домена. Текст был лаконичным, без подписи, но стиль был узнаваем.

«Согласны на встречу. 20:00. Таверна «У старого причала». Нейтральная территория. По три человека с каждой стороны. Падре О'Мэлли будет посредником. Условия будут озвучены на месте. Не опаздывайте. — Р.М.»

Я села на кровати, чувствуя, как остатки сна и усталости улетучиваются, сменяясь знакомым холодным напряжением. Игра начиналась и сегодня вечером мне снова предстояло смотреть в пустые, карие глаза Ронана Моррисси.

ГЛАВА 7. РОНАН

Серый внедорожник мерседес G-класса, без номеров, с бронированными стеклами, бесшумно катился по разбитой дороге, ведущей в самую глубь Бездны. Было 19:30. Тридцать минут до встречи. Ровно столько, чтобы осмотреть место, расставить людей, убедиться, что нет засады, и психологически настроиться. Лишняя минута могла обернуться смертельной ошибкой.

Я сидел на пассажирском сиденье, глядя сквозь тонированное стекло на проплывающие мимо унылые фасады заброшенных складов, заросшие сорняками пустыри, ржавые железно-дорожные пути. Этот район Квинса был идеальным местом для того, чтобы исчезнуть или чтобы устроить ловушку.

— Бред сивой кобылы, — внезапно прохрипел Шон, ломая молчание. Он сидел, раскачиваясь на месте, его кулаки то сжимались, то разжимались на коленях. — Сидеть и ждать этих... этих макаронников, как будто ничего не произошло. Двое наших убиты! А мы что? Идем на чаепитие!

— Это не чаепитие, Шон, — ровно ответил я, не оборачиваясь. Мой взгляд был прикован к навигатору, где приближалась точка назначения. — Это операция под прикрытием дипломатии, мы выигрываем время и получаем рычаг.

— Рычаг? Какое, нахуй, рычаг? — Шон ударил кулаком по спинке моего сиденья, Донован лишь бросил быстрый взгляд в зеркало, но промолчал. — Они придут, нагло сядут за стол, будут строить из себя невинных овечек, а потом, когда мы отвернемся, воткнут нож в спину! И ты это знаешь!

— Я знаю, что если это были Чены, то они сейчас празднуют, наблюдая, как мы готовимся к драке с Орсино, — сказал Лиам с переднего сиденья, он сидел рядом с Донованом, его поза была прямой и непоколебимой. — Карла Орсино, какой бы сумасшедшей она ни была, права в одном: Чены — единственные, кто получает дивиденды от нашей вражды в данный момент. Мы потеряли двух человек и данные. Они должны за это заплатить. А для того чтобы заставить их заплатить, нам нужно знать наверняка, кто это сделал и иметь возможность ударить, не отвлекаясь на второй фронт.

Он повернул голову, и его взгляд, холодный и пронзительный, встретился с моим в зеркале заднего вида.

— Мы используем их и Карлу Орсино в частности. Она — слабое звено в их цепи. Эмоционально нестабильная, жаждущая доказать свою силу, ее можно направить или сломать, если она выйдет из-под контроля. Но сейчас она — ключ к информации и, возможно, к Ченам.

Слова отца попали в самую точку, он видел дальше сиюминутной мести, видел шахматную доску, где Карла была пешкой, которую можно было пожертвовать, чтобы поставить мат более важной фигуре. Мои собственные мысли шли по тому же руслу, но с более... личным оттенком. Она была не просто пешкой, она была диким, непредсказуемым элементом, который постоянно нарушал мои расчеты, ее нужно было не просто использовать. Ее нужно было нейтрализовать как фактор угрозы. Не убить — это создало бы больше проблем, чем решило, но сломать и приручить. Показать ей, кто здесь устанавливает правила. Заставить ее бояться не просто смерти, а потери контроля, потери того дерзкого, вызывающего «я», которым она так гордилась.

Мысль о том, чтобы сломать ее дух, была почти физически приятной. Возмездием за выстрел, за унижение, за тот хаос, который она приносила в мой упорядоченный мир. Я хотел видеть, как огонь в ее глазах гаснет, сменяясь не страхом, а признанием. Признанием моего превосходства и моего контроля.

— А если она не захочет «направляться»? — проворчал Шон, но уже без прежней ярости. Он ненавидел тонкие игры, но уважал стратегический ум отца. — Если она снова устроит истерику?

— Тогда мы получим повод действовать против нее открыто, с полной поддержкой даже Падре О'Мэлли, — ответил я. Мои пальцы нервно постукивали по подлокотнику. Плечо под повязкой ныло монотонно, напоминая о причине всей этой ситуации. — Наша задача сегодня выставить условия. Такие, которые поставят их в полную зависимость. Согласятся — мы получим доступ к их ресурсам и информации. Откажутся — мы получаем моральное право на ответный удар, и даже Винченцо не сможет ничего сказать. В любом случае, мы выигрываем.

Машина свернула на узкую, ухабистую дорогу, ведущую к таверне «У старого причала». В сумерках вырисовывалось низкое, длинное, сложенное из темного, почерневшего от времени кирпича здание.

Донован остановил машину в сотне метров от входа, за грудой ржавых бочек. Через мгновение к нам подъехали еще две машины с нашими людьми. Десять человек, одетых в темную, практичную одежду, вооруженных, но без длиннотвольного оружия, которое было бы слишком заметно. Они молча, по отработанным схемам, рассредоточились по периметру, заняв позиции на крышах соседних сараев, за углами, в тени. Камеры и датчики движения уже были установлены заранее нашими людьми, проникшими сюда два часа назад.

Я вышел из машины. Вечерний воздух был холодным, влажным, с едким привкусом промышленных отходов. Я поправил пиджак, накиннутый поверх повязки, Шон вылез следом, хмуро осматривая местность.

— Гнилое место, — буркнул он. — Пахнет предательством.

— Оно и должно таким пахнуть, — сказал Лиам, также выходя. Он был одет в темный костюм и пальто, выглядел как бизнесмен, заблудившийся в самом неподходящем районе, но его осанка, его холодный, оценивающий взгляд выдавали в нем хозяина положения. — Никто не полезет сюда просто так. Любое движение будет заметно.

Мы вошли в таверну. Внутри было не лучше, чем снаружи: низкие, закопченные потолки, грубые деревянные столы и скамьи, запах старого пива, табака и влажного дерева. За стойкой стоял сам Падре О'Мэлли — высокий, худощавый мужчина лет шестидесяти, с умным, усталым лицом и глазами, которые видели слишком много, чтобы чему-то удивляться. Он был в темной, поношенной одежде, а не в рясе, но в его присутствии все равно чувствовалась аура духовного лица, которое давно заключило перемирие с грехами своих прихожан.

— Лиам, Ронан, Шон, — кивнул он нам, его голос был низким, спокойным. — Стол готов в задней комнате. Мои люди проверили ее час назад, все чисто.

— Спасибо, Падре, — кивнул Лиам. — Надеюсь, Винченцо и его... команда будут столь же рассудительны.

— Винченцо напуган, — просто сказал Падре. — Он боится за дочь и за бизнес. Это делает его сговорчивым, но будьте осторожны с Карлой. Она... непредсказуема.

— Мы это учтем, — сухо ответил я, проходя мимо него в сторону указанной двери.

Задняя комната была немного лучше, здесь было чище, стоял большой дубовый стол, несколько стульев. Бутылка виски и несколько стаканов на столе. Чисто символически, никто не собирался пить. У одной стены стоял небольшой бар, у другой темное, запыленное окно, выходящее на задний двор и пирс..

— Как мы будем это вести? — спросил Шон, усаживаясь на стул так, что тот жалобно заскрипел. Он положил руки на стол, его пальцы нервно барабанили по дереву.

— Я буду вести переговоры, — сказал Лиам, занимая место во главе стола. — Вы оба молчите, если не зададут прямой вопрос. Особенно ты, Шон. Никаких угроз, никаких вспышек. Ты здесь как демонстрация силы, а не как ее олицетворение. Понятно?

Шон мрачно кивнул, стиснув челюсти.

Я занял место справа от отца. Моя роль была другой, я был тем, кто смотрел и анализировал. Мне нужно было увидеть каждую микрореакцию, каждое движение глаз, каждую дрожь в голосе. Нужно было понять, лгут ли они о своем неведении, действительно ли верят в версию с Ченами, или же это все хорошо разыгранный спектакль.

Но больше всего моё внимание было приковано к ней. К Карле. Как она войдет? Как будет себя вести? Будет ли дерзить, как тогда в Стекле? Или попытается казаться сдержанной, рассудительной? Любое ее поведение будет информацией, которую я позже использую.

Я взглянул на часы. 19:55. Они должны были появиться с минуты на минуту, даже Шон замолчал, его взгляд устался на дверь, как у хищника, ожидающего добычу.

Мои мысли были холодны и ясны. Эта встреча была полем битвы, где оружием были слова, тон и психология и на кону стояло не просто временное перемирие, на кону стояла возможность обезвредить самую опасную и непредсказуемую угрозу в лице Карлы Орсино, превратив ее из дикой, кусачей стервы в послушный инструмент. Или, если она не поддастся, найти способ сломать ее окончательно, чтобы она больше никогда не могла поднять на меня оружие или оскорбить своей дерзкой ухмылкой.

Дверь в таверну снаружи скрипнула. Послышались голоса. Я сидел абсолютно неподвижно, глядя на дверь в нашу комнату, Шон напрягся, как пружина, Лиам поправил манжеты, его лицо стало бесстрастной маской.

Дверь в нашу комнату открылась, и первым вошел Винченцо Орсино. Он выглядел так, будто шел не на переговоры, а на собственную казнь. Его лицо, обычно такое выразительное, сейчас было подтянуто, стараясь казаться спокойным и уверенным, но напряжение читалось в каждой морщине, в слишком твердой походке, в том, как его глаза моментально нашли Лиаму и застыли на нем. Он был одет в дорогой, но немного старомодный костюм, который сидел на его крупной фигуре как доспехи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.